

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ

„ИЗВЪСТІЯ

Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Съвера“.

1904 г. № 17-й. 15 Сентября

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго
Общества.

Г Р А Ж Д А Н Е

Страшное испытаніе пало на Россію. Водворотомъ міровой войны захвачена наша родина, и только во всенародномъ воодушевленіи найдеть она силу преодолѣть грозное бѣдствіе.

Велики страданія проливающихся кровь на поляхъ сраженій, неизбывно горе тысячъ осиротѣвшихъ и обездоленныхъ семей, и мы все съ любовнымъ порывомъ идемъ исполнять долгъ нашъ—залѣчить раны сражающихся, дать хлѣбъ и кровь, и работу ихъ семьямъ, пріютить оторванныхъ военными дѣйствіями отъ разоренныхъ очаговъ своихъ.

Но разразившееся тяжкое бѣдствіе не только разрушитъ благополучіе тысячъ семействъ, оно потрясетъ весь хозяйственный бытъ нашего государства.

Неубранными и неспаханными останутся осенью многія крестьянскія поля и незащипными встрѣтятъ они зиму, если не придетъ вовремя мірская помощь. А во многихъ мѣстахъ помощь будетъ нужна и всему населенію, застигнутому неурожаемъ. Ослабѣваетъ кооперативное строительство, многія фабрики и заводы остановятся.

Вѣдь, разорвались все связи, неразрывно снаившія наше народное хозяйство съ вѣликимъ міромъ. Внезапно закрылись огромные рынки для сбыта нашего сырья, остановился привозъ нужныхъ намъ товаровъ, пресекъ притокъ денежныхъ средствъ, питавшій и поддерживавшій нашу промышленность, разстроено движеніе на путяхъ сообщенія, разрушены товарообмѣны страны.

Огненнымъ поясомъ схватились міровой пожаръ наши границы, и остались мы одинъ на одинъ въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ врагомъ—хозяйственной разрухой. И въ этой борьбѣ у насъ не будетъ союзниковъ! Только геній свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно государство черезъ все грядущія испытанія.

Граждане! необходима напряженная работа всехъ силъ страны, необходима широкая самодѣятельность населенія, необходимъ дѣйствительный союзъ земства и городовъ со всеми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія.

Сожнутыми ридами должны пойти мы на борьбу съ голодомъ и нищетой и разорениемъ страны.

Императорское Вольное Экономическое Общество изъ гонимы пенитанціи всегда отдавало свои силы и средства на борьбу съ народными бѣдствіями.

И нынѣ, исполняя долгъ помощи жертвамъ войны, общество одновременно приступаетъ къ выполненію задачи поддержанія въ странѣ хозяйственнаго благополучія и призываетъ всѣхъ къ этой работѣ.

Императорское Вольное Экономическое Общество вѣритъ, что его призваніе найдеть откликъ во всѣхъ слояхъ населенія. Граждане! Примите личное участіе въ работахъ общества, вложите ему матеріальныя пожертвованія, создавайте на мѣстахъ велическія организации помощи населенію и разрушающемуся хозяйству; научайте всѣхъ мѣстныхъ нужды и добивайтесь ихъ скорѣйшаго удовлетворенія.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ полномъ сознаніи исключительной трудности и ответственности предстоящей работы съ бодростью смотритъ впередъ всей силой своего ружья, раздѣляя всенародную увѣренность, что нынѣшнія великія пенитанціи принесутъ всѣмъ народамъ Россіи полное возрожденіе для общей жизни во имя права, свободы и справедливости.

Императорское Вольное Экономическое Общество открываетъ сборъ пожертвованій на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ, тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые не находилъ на полѣ брани, являются тѣмъ же жертвами истиннаго войны въ хозяйственную жизнь страны экономическаго потрясенія, а также на помощь населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Сами жертвователи, если пожелаютъ, могутъ опредѣлить ту специальную цѣль, на которую сдѣлать они свои пожертвованія.

Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества СШ., Забалканскій пр., 33, Центральный банкъ общества взаимнаго кредита. Певскій пр., 59.

С о в ѣ т ь

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Историческая сессія законодательныхъ палатъ.

Продолженіе. См. № 16 „Известій“ ж т 1

Объясненія П. Л. Барка.

Последнимъ изъ представителей правительства выступаетъ министръ финансовъ П. Л. Барка.

— Г.г. члены Государственной Думы! Для веденія войны государству приходится наряду съ военной мобилизаціей произвести такъ мобилизацію финансовую, и на министровъ финансовъ лежала обязанность прежде всего озаботиться кассовыми средствами, которыя могли бытъ предоставлены какъ на военныя нужды, такъ и на поддержанію

торговли и промышленности, при одновременномъ сохраненіи золотыхъ запасовъ.

Съ этой цѣлью немедленно послѣ объявленія войны намъ Германіей было внесено представленіе въ комитетъ финансовъ о томъ, чтобы Государственный банкъ приостановилъ размѣръ кредитныхъ билетовъ на золото, и чтобы банку было предоставлено болѣе широкое право дальнѣйшаго выпуска кредитныхъ билетовъ и, кромѣ того, чтобы ему было предоставлено право учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства. Представленіе это, по одобреніи комитета финансовъ, было внесено въ совѣтъ министровъ, было тамъ подвергнуто обсужденію, а также имъ одобрено. Положеніе совѣта министровъ удостоилось 23 сего іюля Высочайшаго утвержденія.

Необходимость предоставленія кассовыхъ средствъ для нуждъ торговли и промышленности теперь, въ это тяжелое время, является особенно настоятельной; необходимо, чтобы нормальная жизнь страны, по возможности, не потеряла уцѣрба, чтобы не было никакой паники, а была бы полная увѣренность и спокойствіе среди населенія и среди торгово-промышленныхъ классовъ, которые могутъ рассчитывать на помощь Государственнаго банка, министерства финансовъ и правительства. Надлежитъ пояснить, что въ случаѣ неуплаты Государственнымъ банкомъ этого права, которое ему предоставляется теперь новымъ законопроектомъ, Государственный банкъ можетъ выпустить кредитныхъ билетовъ, необезпеченныхъ золотомъ, на сумму полтора миллиарда рублей. Считаю, что теперь золотыхъ запасовъ въ Государственномъ банкѣ имѣется на 1.700.000.000 рублей, мы видимъ, что золотое покрытіе болѣе чѣмъ наполовину превыситъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Достаточно для сравненія привести, что именно въ Германіи, съ которой мы ведемъ войну, въ нормальное время по закону требуется металлическое покрытіе для кредитныхъ билетовъ всего въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$, тогда какъ у насъ и въ военное время будетъ болѣе $\frac{1}{2}$ покрытія (Возгласы: „Враво“ и рукоплесканія).

На веденіе войны потребуются, конечно, огромныя средства, текущей счетъ государственнаго казначейства въ банкѣ скоро будетъ исчерпанъ, и поэтому необходимо было предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства. Приостановленіе размѣна требовалось безотлагательно, такъ какъ каждый день промедленія велъ бы къ сокращенію золотыхъ запасовъ, сохраненіе же золота является вѣрнѣйшимъ залогомъ для скорѣйшаго возобновленія металлическаго обращенія, когда обстоятельства военного времени мицуютъ. И вотъ почему правительство сошло себя вынужденнымъ провести эту мѣру въ экстренномъ порядкѣ, въ порядкѣ ст. 87, и предоставляетъ такую на ваше утвержденіе. Позвольте въ проектъ, который внесенъ министерствомъ финансовъ, внести одну поправку: въ ст. 3 исключить слова: „въ случаѣ потребованія находящихся на его счетахъ суммъ казны“. Такимъ образомъ, редакція раздѣла 3-го будетъ гласить: „предоставить Государственному банку учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военного времени“, и разрѣшите же внести нѣкоторые редакціонныя поправки.

Независимо отъ мѣры, принятой въ этомъ направленіи, на министерствѣ финансовъ лежитъ обязанность изыскивать источники средствъ на веденіе войны. Прежде всего, на военныя нужды предоставлена вся

свободнаго наличности, которая къ началу войны составляла 500.000.000 руб.; на-ряду съ этимъ правительство признало необходимымъ пере-смотреть сметы всѣхъ вѣдомствъ, произвести въ нихъ возможныя со-кращенія и всю экономію обратить въ военный фондъ. На этотъ пред-метъ правительство испрашиваетъ вашихъ полномочій. Сметныя сокра-щенія могутъ дать не менѣе 250 милл. руб. Такимъ образомъ, на пер-вое же время войны у насъ имѣется свободныхъ средствъ 500.000.000 руб. наличности и 250.000.000 руб. экономіи, итого 750.000.000 руб. (Рукоплесканія и возгласы: „Браво!“). Само собою разумѣется, что при-дется прибѣгнуть и къ кредитнымъ операціямъ, но реализація займовъ зависитъ отъ условій денежнаго рынка; вотъ почему важно предоста-вить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обяза-тельства государственнаго казначейства; это будетъ краткосрочный долгъ казны Государственному банку, который будетъ покрываться по-крытію изъ выручки займовъ при ихъ реализаціи. Къ этой мѣрѣ мы при-бѣгли въ японскую войну. Тогда было выпущено краткосрочныхъ обязательствъ на сумму 400 милліоновъ рублей, которыя очень скоро были покрыты.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать также о необходимости повыше-нія налоговъ. Надлежитъ замѣтить, что расходы на войну обыкновенно въ меньшей части покрываются изъ налоговыхъ источниковъ. Такъ было во Франціи въ 1870 г., въ Англии во время англо-бурской войны и въ послѣднюю русско-японскую войну. Это вполне понятно, такъ какъ повышение существующихъ налоговъ или установленію новыхъ является чрезвычайно тягостнымъ для населенія и не можетъ дать не-медленныхъ результатовъ. Но, тѣмъ не менѣе, правительство считало себя обязаннымъ представить на ваше одобреніе повышение цѣны на вино и на табакъ, въ виду того, что вино и табакъ не являются пред-метами первой необходимости (Возгласы: „Правильно!“). Увеличеніе же цѣны на вино можетъ косвенно привести и къ сокращенію потребления пива (Возгласы: „Правильно!“), а эта первостепенной важности для хо-зяйственной жизни страны задача по должна быть упущена изъ вида, въ особенности въ тяжелую годину военныхъ нештатій, когда веще-ски необходимо укрѣпить народную энергію, трудоспособность и вы-носливость (Возгласы: „Браво!“). Позвольте внести еще одну поправку въ этотъ законопроектъ и предложить также увеличеніе акциза на пиво и включить ст.ст. 4 и 5 въ отд. III такого содержанія: „Акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не выше трехъ рублей съ пуда поступающаго въ затворъ солода; съ пивоваренныхъ заводовъ, произво-дящихъ затирание солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше двухъ рублей тридцати коп. съ пуда учтеннаго солода“. Ожидаемая поступленія съ повышеній, только что мною предложенныхъ, исчи-сляются, примѣрно, въ 200.000.000 руб. въ годъ. Не лишне конутно отмѣтить, что въ связи съ мѣрами, которыя были приняты правитель-ствомъ за послѣдніе мѣсяцы, доходъ отъ казенной продажи питей пред-ставляетъ въ слѣдующемъ видѣ: за шесть мѣсяцевъ 1914 г.—414^{1/2} мил. руб., а въ 1913 г.—417 мил. р., что даетъ сокращеніе въ 6 мѣс. цевъ противъ 1913 года на 2^{1/2} милл. рублей, тогда какъ въ 1913 г. противъ 1912 г. было увеличеніе на 43 милл. руб. (Рукоплесканія). Если мы сравнимъ превышеніе всѣхъ доходовъ 1914 и 1913 г.г., то

получимъ такія цифры: за 6 мѣсяцевъ 1913 г. противъ предшествующаго 1912 г. общее превышеніе всѣхъ доходовъ составило 150 милл. р. въ томъ числѣ подка дала превышеніе 43 милл. руб. Въ 1914 г. общее превышеніе доходовъ противъ 1913 г.—161 милл. руб. противъ 150 мил., при чемъ подка дала уменьшеніе въ $2\frac{1}{2}$ милл. руб. (Рукоплексканія).

Позвольте мнѣ еще упомянуть о тѣхъ мѣбрахъ, которыя приняло министерство финансовъ для огражденія кредита страны отъ потрясеній и для поддержанія оборотовъ торговли и промышленности. Государственный банкъ широко пошелъ навстрѣчу исключительно потребностямъ въ кредитъ и оказываетъ поддержку кредитнымъ учрежденіямъ предоставленіемъ имъ средствъ, необходимыхъ какъ на выплату вкладовъ по текущимъ счетамъ, такъ и на продолженіе нормальныхъ операцій; вмѣстѣ съ тѣмъ 21 поля введенъ общій мораторіумъ, разрѣшающій кредиторамъ не протестовать векселей срочныхъ послѣ 17 іюля. Теперь введенъ еще частичный мораторіумъ, распространяющійся на тѣхъ городовъ губерніи, отсрочивающій также взасканія на 2 мѣсяца по векселямъ, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ могутъ особенно неблагоприятно отозваться военныя дѣйствія.

Позвольте мнѣ еще сообщить о тѣхъ послѣдовательныхъ мѣбрахъ, которыя приняло министерство финансовъ, начиная съ 11-го іюля, то-есть съ того дня, когда стала извѣстна ультиматумъ Австріи, предъявленный Сербіи. Этотъ ультиматумъ сталъ извѣстенъ утромъ 11 іюля; вечеромъ того же дня чиновники министерства финансовъ выѣхали въ Берлинъ для того, чтобы оттуда взять большое количество процентныхъ бумагъ, находившихся у берлинскихъ корреспондентовъ... (Возгласы: „Браво“ и рукоплексканія). Этихъ бумагъ было около двадцати милліоновъ и онѣ были привезены въ Петербургъ. Кроме того, былъ данъ приказъ немедленно переводить суммы государственнаго казначейства и Государственнаго банка, которыя находились въ Берлинѣ,—въ Россію, въ Англію и во Францію (Возгласы: „Браво“ и рукоплексканія). Всѣ эти суммы были переведены, за исключеніемъ небольшого остатка Государственнаго банка, необходимаго для платежей по текущимъ аккредитивамъ. Такимъ образомъ, когда была открыта война съ Германіей, суммъ казны не было въ Берлинѣ (Возгласы: „Браво“ и рукоплексканія). Такихъ суммъ было около 100 милліоновъ рублей. Тогда уже Государственному банку было поручено широко идти навстрѣчу требованіямъ по открытію кредитовъ, необходимыхъ для выплаты вкладовъ и поддержанія хозяйственной жизни страны. Относительно продажи валюты, какъ министерство финансовъ, такъ и Государственный банкъ продавали валюту только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Когда же былъ объявленъ мораторіумъ по Франціи, всякая продажа валюты, то-есть иностранныхъ переводовъ, была прекращена.

Въ настоящее время денежное наше положеніе таково: на текущемъ счетѣ казны имѣется 560.000.000 руб. Государственный банкъ располагаетъ достаточнымъ правомъ выпуска кассовыхъ средствъ при одновременномъ сохраненіи крупныхъ золотыхъ запасовъ. И въ дѣловомъ мѣрѣ нѣтъ растерянности, есть, конечно, разумная забота о завтрашнемъ днѣ, но господствуетъ спокойствіе и твердая надежда на то, что по минованіи войны здоровья силы нашей Великой Родины дадутъ намъ возможность скоро возстановить нормальную хозяйственную жизнь страны.

Позвольте въ заключеніе остановиться още на одномъ чрезвычайномъ важномъ вопросѣ, забота о коемъ лежитъ на всѣхъ насъ и, въ частности, на финансовомъ вѣдомствѣ. Я говорю объ обезпеченіи семей запасныхъ, призванныхъ на войну (Возгласы: „Браво“ и рукоплесканія). Когда кормилцы семьи уйдутъ на защиту родины, и правительство, и общество должны принять всѣ мѣры, чтобы семьи ушедшихъ были обезпечены (Рукоплесканія и возгласы „Браво“), и въ дѣлѣ организаціи помощи огромное содѣйствіе могутъ оказать мѣстные органы самоуправленія (Рукоплесканія и возгласы: „Браво“). На основаніи дѣйствующаго закона, правительство уже ассигновало необходимыя на первое время средства, но вы можете быть вполне увѣрены, что правительство и въ дальнѣйшемъ готово идти на самыя широкія затраты на эту неотложную надобность (Продолжительныя рукоплесканія и возгласы: „Браво“).

Въ 4 часа 30 минутъ объявляется перерывъ.

Засѣданіе возобновляется въ 5 час. 35 минутъ дня.

Предсѣдатель предлагаетъ стоя выслушать Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Австріей.

Манифестъ читаетъ самъ М. В. Родзинко.

Оглашеніе манифеста покрывается громкими возгласами „ура“ и пѣніемъ гимна.

Гос. Дума безъ преній единогласно постановляетъ приступить къ обсужденію разъясненій правительства въ настоящемъ засѣданіи.

При общемъ вниманіи и повышенномъ настроеніи и возбужденіи одинъ за другимъ выступаютъ представители различныхъ фракцій и національностей, высказывающіе отношеніе тѣхъ группъ и пародностей, которыя они представляютъ, къ переживаемому моменту.

Декларация трудовой группы.

Слово предоставляется, прежде всего, представителю трудовой группы *А. Ф. Керенскому*.

При общемъ вниманіи *А. Ф. Керенскій* съ большимъ чувствомъ читаетъ слѣдующую декларацию:

— Тяжкое испытаніе пало на родину, и великая скорбь охватываетъ всю страну. Тысячи и тысячи молодыхъ жизней обречены на печеловѣческое страданіе. Пшеница и голодь идутъ разрушать благосостояніе спротивляющихся семей трудящихся массъ населенія. Мы поколеблени не увѣрены, что великая стихія росейской демократіи вмѣстѣ со всѣми другими силами дадутъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу (Шумныя рукоплесканія всей Гос. Думы) и защититъ свои родины земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній. Мы вѣримъ, что на поляхъ бравныхъ въ великихъ страданіяхъ укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи (Шумныя аппл.). Родится единая воля и освободить страну отъ страшныхъ внутреннихъ путей. Пейскупима отвѣтственность правительство всѣхъ еврпейскихъ государствъ, во имя интересовъ правящихъ классовъ толкнувшихъ свои народы на братоубійственную войну. Соціалисты всѣхъ нѣмгъ воюющихъ странъ—Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи,—пытались протестовать противъ развившейся нѣмгъ войны. Мы же, русская демократія, не могли даже въ этотъ послѣдній страшный часъ во-время свободно возвысить свой голосъ противъ надвигавшейся войны. Но глубоко вѣруя въ единство всѣхъ трудящихся классовъ всѣхъ странъ, мы шлемъ свой братскій

привѣтъ всѣмъ протестовавшимъ противъ подготовлявшейся братоубійственной грани народоубъ.

Русскіе граждане, помните, что нѣтъ враговъ у васъ среди трудящихся классовъ воюющихъ странъ. Защищая до конца все родное отъ попытокъ захвата со стороны враждебныхъ намъ правительствъ—Германіи и Австріи,—помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великіе идеалы демократіи: свобода, равенство и братство руководили дѣятельностью правящей Россіи и правительствъ всѣхъ странъ. Между тѣмъ, власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри, не даетъ амнистіи борющимся за свободу и счастье страны, не хочетъ примириться съ не-русскими народностями, все протестившими и одушевленно борющимися вмѣстѣ съ нами за общую родину. И, вмѣсто того, чтобы облегчить положенію трудящихся классовъ народа, возлагаетъ именно на нихъ главную тяжесть военныхъ издержекъ, усиливая бремя косвенныхъ налоговъ. Крестьяне и рабочіе, всѣ, кто хочетъ счастья и благополучія Россіи въ великихъ испытаніяхъ, закалите духъ вашъ! Соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее; а вамъ, нашимъ братьямъ, проливающимъ кровь за родину, низкій поклонъ и братскій привѣтъ (Шумныя рукоплесканія на скамьяхъ оппозиціи и отъбрюстовъ).

Декларация с.-д.

Каутовъ. Отъ имени с.-д. фракціи и росіійской с.-д. рабочей фракціи я уполномоченъ заявить слѣдующее:

— Страшное небывалое бѣдѣніе обрушилось на народы всего міра. Милліоны рабочихъ оторваны отъ мирнаго труда, раззорены и брошены въ кровавый водоворотъ; милліоны семей обречены на голодъ. Война началась. Когда европейскія правительства готовились къ войнѣ, европейскій пролетаріатъ, во главѣ съ германскимъ, выступилъ съ дружнымъ протестомъ противъ подготовляемой правящими кругами войны. Рядъ сложившихся обстоятельствъ помѣшалъ рабочимъ Россіи выступить открыто съ тѣмъ же протестомъ противъ войны. Но въ моменты грандіозныхъ демонстрацій европейскаго пролетаріата противъ войны сердца русскихъ пролетаріевъ бились вмѣстѣ съ ихъ сердцами. Настоящая война порождена политикой захватовъ, является войной, отвѣтственной за которую несутъ правящіе круги всѣхъ воюющихъ теперь странъ. Пролетаріатъ—постоянный защитникъ свободы и интересовъ народа, во всякій моментъ будетъ защищать культурныя блага народа отъ всякихъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили. Сознательный пролетаріатъ воюющихъ странъ не могъ помѣшать возникновенію войны и тому разгулу варварства, который она съ собой несетъ. Но мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ международной солидарности всѣхъ трудящихся массъ всего міра пролетаріатъ найдетъ средства къ скорѣйшему прекращенію войны. И пусть условія мирнаго договора будутъ продиктованы не дипломатами, а самимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказываемъ глубокое убѣжденіе, что эта война окончательно раскроетъ глаза народнымъ массамъ Европы на дѣйствительный источникъ насилій и угнетеній, отъ которыхъ онѣ страдаютъ, и что теперешняя вешалка варварства будетъ въ то же время и послѣдней вешалкой (Англ. слѣва) шкандалье справа).

Декларация прибалтійскихъ пльмцевъ.

Бар. Фелькерзамъ. Отъ имени ближайшихъ политическихъ друзей имѣю честь заявить, что несконно вѣрнопопдающее иѣмецкое население Прибалтійскаго края всегда готово встать на защиту Престола и отечества. Мы не только будемъ голосовать за всѣ предложенные военныя кредиты, но, по призыву нашихъ предковъ, готовы жертвовать жизнью и имуществомъ за единство и величіе Россіи (Шумные аппл.).

Декларация польскаго кола

Отъ имени польскаго кола выступаетъ *В. Ф. Иронскій*, рѣчь котораго выслушивается съ огромнымъ вниманіемъ.

— Въ тотъ историческій моментъ,—говоритъ *В. Ф. Иронскій*,—когда славянство и германскій мѣръ, руководимый пѣжковымъ врагомъ нашимъ—Пруссіей,—приходятъ къ роковому столкновенію, положеніе польскаго народа, лишенаго своей самостоятельности и возможности проявленія своей свободной воли, является трагическимъ. Трагизмъ этотъ усугубляется не только тѣмъ, что нашъ край является театромъ войны со всѣми ея ужасами, но и тѣмъ, что разорванный на три части польскій народъ увидитъ сыновъ своихъ во пражескихъ другъ другу стапахъ. Но разъединенные территориально, мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое (Зурные аппл. всей Гос. Думы). Это намъ показываетъ не только то правое дѣло, за которое вступилась Россія, но и политическій разумъ. Мировое значеніе переживаемаго времени должно отодвинуть на второй планъ всѣ внутренніе счеты (Шумные аппл. всей Гос. Думы). Дай Богъ, чтобы славянствомъ подъ главенствомъ Россіи былъ данъ тавтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польней и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальдѣ (Зурные аппл. всей Гос. Думы).

Пусть наша пролитая кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приведутъ къ соединенію разорваннаго на три части польскаго народа (Шумные аппл. на скамьяхъ оппозиціи и октябристовъ).

Декларация латышей и эстонцевъ.

Отъ имени латышскихъ и эстонскихъ депутатовъ выступаетъ *Н. Ю. Гольдманъ*.

— Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ,—говоритъ онъ,—представителемъ котораго я явлюсь. Это было въ Либавѣ. Но повелитель Германіи глубоко ошибся, если ожидалъ, что этотъ выстрѣлъ найдетъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ смыслѣ какого-нибудь враждебнаго выступленія противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подвляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ, столь же громко прогремѣло „Да здравствуетъ Россія“ (Шумные аппл.). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей нѣтъ ни одного человека, который бы не сознавалъ, что все, что нами достигнуто, достигнуто только подъ защитою русскаго орла. (Шумные аппл.), и что осуществленіе всего, чего латыши должны еще достигнуть, возможно лишь тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ составлять нераздѣльную часть великой Россіи (Шумные аппл.). Поэтому теперь и можно видѣть у насъ такой подъемъ духа и такое стремленіе стать на защиту дорогаго отечества. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣ-

шають намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патриотами Россіи и стать на защиту своего отечества плечемъ къ плечу съ великими русскими пародомъ противъ дерзкаго врага. Въ морѣ крови, въ котормъ захотѣлъ купаться спящій въ Берлинѣ тиранъ Евроны (Шумл. англ.), вольють, можетъ быть, и латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю, дабы этотъ постоянно угрожающій миру челоувѣкъ не только кунался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы въ немъ (Шумные англ.). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патриотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога уснѣха оружія на полѣ битвы. У насъ много счетовъ съ прибалтійскими пѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные тяжелые дни, мы представимъ эти счета вашему разсмотрѣнію, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира исчезнутъ тѣ предразсудки, которые теперь у нѣкоторыхъ еще могутъ имѣться. Въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль—отбить натискъ общаго врага. И въ настоящую историческую минуту я отъ имени латышскихъ и эстонскихъ депутатовъ заявляю, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ пародомъ до конца. Но только наши сыновья, братья и отцы будутъ сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу своего злѣйшаго врага, которому онъ можетъ отрубить голову, но отъ котораго даже умирающаго онъ услышитъ только одно: „Да здравствуетъ Россія“ (Шумные и продолжительные англ.).

Декларация литовцевъ.

Писецъ. Въ этотъ историческій моментъ я долженъ заявить отъ имени литовцевъ, безъ различія партій, что судьбы нашего народа всегда были связаны съ судьбами славянства. Когда-то, когда еще наше слабое государство существовало подъ знаменемъ нашего славнаго великаго князя Витовта, былъ данъ отпоръ тевтонскому напску, и былъ сокрушенъ тевтонскій орденъ, который теперь снова поднимаетъ голову. Литовскій народъ, на землю котораго упали первые выстрѣлы, который въ первыхъ рядахъ вынужденъ сражаться, идетъ на эту войну, какъ на священную. Онъ забываетъ все свои обиды, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны и надѣясь, что литовцы, разорванные надвое, будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ (Шумные англ.).

Декларация евреевъ.

Фридманъ. На меня выпала высокая честь выразить тѣ чувства, которыя въ настоящій историческій моментъ воздусеваютъ еврейскій народъ. Въ великомъ порывѣ, поднявшемъ все племена и народы великой Россіи, евреи выступаютъ на полѣ брани плечомъ къ плечу со всеми народами ея.

Въ исключительно тяжелыхъ правовыхъ условіяхъ жизни и живемъ мы, евреи, и, тѣмъ не менѣе, мы всегда чувствовали себя гражданами Россіи, всегда были вѣрными сынами своего отечества. И никакія силы не отторгнутъ насъ отъ нашей родины—Россіи, отъ земли, съ которой мы связаны вѣковыми узами. Въ защиту нашей родины отъ иноземнаго нашествія мы выступаемъ не только по долгу совѣсти, но и по чувству глубокой привязанности. Въ настоящій часъ испытаний, слѣдуя

раздавшемся съ высоты Престола призыву, мы, русскіе евреи, какъ одинъ человѣкъ, станемъ подъ русскими знаменами и положимъ все свои силы на отраженіе врага (Шумные аппл. всей Гос. Думы. Демонстративно аплодируютъ правые и націоналисты). Еврейскій народъ исполнитъ свой долгъ до конца. (Шумные аппл.).

Декларация представителей національностей закончена, и начинается выступленіе представителей фракцій.

Декларация фракціи народной свободы.

Первымъ выступаетъ П. Н. Миллюковъ.

— Фракція народной свободы, говоритъ она, — неоднократно говорила въ Гос. Думѣ о тѣхъ вопросахъ, которые здѣсь были затронуты двумя первыми ораторами, говорившими съ этой кафедры. Ея мнѣніе по этимъ вопросамъ всегдѣ хорошо извѣстно. И, конечно, никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ измѣнить этихъ мнѣній. Когда наступитъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россіи. Она надѣется, что, пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящая страна станетъ ближе къ своей заветной цѣли. Но въ эту минуту всегдѣ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы, и иная задача, грозная, и величественная, стоитъ передъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить все свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ со своего пути къ мировому господству. Наме дѣло — правое дѣло, мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства — отъ германскаго преобладанія (Возгласы слѣва: „браво“), всего міра отъ пещиосимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ труженниковъ (Общія рукоплесканія и возгласы „браво“), вызывающихъ все новыя и новыя вооруженныя столкновенія. Въ этой борьбѣ мы все заодно; мы не ставимъ условій и требованій, мы просто кладемъ на всея борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника (Рукоплесканія на всехъ скамьяхъ; возгласы „браво“). Вотъ почему центральный комитетъ нашей партіи, руководимый этими соображеніями, обратился къ своимъ единомышленникамъ съ воззваніемъ, къ которому фракція всецѣло присоединяется, и которое мы считаемъ своимъ долгомъ огласить съ этой высокой кафедры:

Въ тяжелую минуту, когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли ему навстрѣчу, и готова пролиться родная кровь за спасеніе родины, когда тѣ, кто остались, въ силу вещей, призваны къ великимъ жертвамъ духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были, и въ какомъ бы положеніи ни застала ихъ война, до конца исполнятъ свой долгъ русскіихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ первый долгъ охранить нашу страну единой и нераздѣльной... (общія бурныя рукоплесканія) и удержать за ней то положеніе въ ряду мировыхъ державъ, которе оспаривается у насъ врагами.

Отложимъ же внутренніе споры и не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія (Бурныя, продолжительныя рукоплесканія всей Думы) и будемъ твердо помнить, что

теперь первая и единственная задача наша поддержать борцовъ вървой въ правоту нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждою на успѣхъ нашего оружія.

Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть наши защитники не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“ (Шумныя продолжительныя рукоплесканія на всѣхъ скамьяхъ).

Рѣчь П. П. Милокова производитъ на всю Гос. Думу огромное впечатлѣніе. У бывшаго морского министра адм. Бирилева во время нея показываются на глазахъ слезы, и онъ, будучи не въ состояніи скрыть свое волненіе, покидаетъ залъ.

Рѣчь Л. Г. Люца.

Л. Г. Люцъ заявляетъ, что наступилъ часъ, когда нѣмцы, населяющіе Россію, сумѣютъ защитить достоинство и честь великаго государства и снять съ себя то оскорбленіе, которое могло быть нанесено имъ однимъ предположеніемъ, что русско-подданные нѣмцы могутъ измѣнить своему отечеству. Нѣмцы, населяющіе Россію, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь ея они всѣ, какъ одинъ, сложатъ свои головы (Англ. справа и въ центрѣ).

Декларация націоналистовъ и группы центра.

Влашскъ. Въ тяжелое и славное время, которое мы переживаемъ, Россія призвана исправить нѣкоторыя свои историческія ошибки. Всюду, по всей необъятной Россіи, поднялась та волна, тотъ духовный порывъ, который является върнымъ залогомъ окончательнаго торжества праваго и справедливаго дѣла. Покинемтесь всѣ, что мы, забывши все, кромѣ великой цѣли, которой мы задались, всѣми силами будемъ бороться до той минуты, когда вѣчная угроза правды, справедливости и миру,—воиственный натискъ германизма,—не будетъ спачала сло-млено, а затѣмъ и окончательно уничтожено. Въ полномъ единеніи съ нашимъ Самодержцемъ мы пройдемъ сквозь строй всѣхъ испытаній, каковы бы они ни были, и достигнемъ великой святой цѣли (Шумн. англ.).

Гр. Мусинъ-Пушкинъ. Израбники земли русской, братья! Выпа-ютъ минуты жизни народнои, когда всѣ мысли, всѣ чувства, весь народъ народный должны выразиться въ одномъ кличѣ. Пусть будетъ этотъ кличъ: „Богъ, Царь, народъ и наша побѣда надъ врагомъ“ (Шумныя аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ).

Рѣчь Н. Е. Маркова 2-го.

Марковъ 2-й. Мы только что съ упоеніемъ выслушали патриотическіе голоса народностей, населяющихъ Россію. Мы не слышали только представителей одного народа—русскаго и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо когда война въ Россіи, объяснять свое поведеніе русскому народу не приходится. И вышелъ не для того, чтобы быть представителемъ русскаго народа,—вы всѣ являетесь его представителями. (Англ.). И вышелъ для того, чтобы разсказать вамъ, какъ въ Курскѣ, когда провожали часть армій, то среди всѣхъ провожавшихъ своихъ братьевъ, сыновей или мужей не слышалось ни одного упрека по поводу того, зачѣмъ война. Весь народъ, среди котораго было много фабричныхъ, молилъ объ одномъ: Господи, пусть будетъ побѣда! Никакія условія не ставится народомъ своей великой арміи и своему могу-

щественному флоту. Весь народъ ждетъ и молится о побѣдѣ. Въ виду этого, я думаю, что мы, представители русскаго народа, въ его полной совокуинности, исполнимъ свой святой долгъ, если обратимся къ вышнимъ представителямъ нашей доблестной арміи и доблестнаго флота, — къ военному и морскому министрамъ и попросимъ ихъ передать войскамъ и флоту тѣ чувства которыя мы раздѣляемъ. „Ура“ нашему великому войску и „ура“ нашему флоту!

Всѣ депутаты встаютъ и разражаются бурными криками „ура“ и рукоплесканіями по адресу морскаго и военнаго министровъ, которые встаютъ и кланяются Гос. Думѣ.

Заявленіе Н. В. Родзико.

Родзико. Я выступаю въ данномъ случаѣ не какъ русскій, а какъ представитель инородцовъ Казанской губ. Казанское царство — преимущественно магометанское, и татары не имѣютъ своего представителя, слѣдовательно, не могутъ выразить намъ своихъ чувствъ. Позвольте мнѣ, какъ избраннику татарскаго, чувашскаго и черемисскаго населенія Казанской губ., заявить, что все магометанское населеніе, какъ одинъ человекъ, будетъ бороться, какъ и мы русскіе, противъ того нашествія, которое въ настоящее время сдѣлано на Россію. Примите черезъ меня отъ нихъ завѣщеніе, что они всецѣло желаютъ полной побѣды русскому оружію и сложатъ свои головы, какъ русскіе, за Россію (Шумные аппл.).

Декларация земцевъ-октябристовъ.

Протопоповъ. Въ настоящій часъ великихъ тяжелейхъ испытаній, когда вся Россія безъ различія классовъ и состояній, сплотилась и объединилась вокругъ одного святаго завѣта — защита родной земли, — слова казались бы, излишни. Весь миръ свидѣтель нашего единенія, которое, съ Божьей помощью, приведетъ насъ къ побѣдѣ. Политическіе друзья мои послали меня сюда, на эту кафедру, чтобы сказать и выразить твердое убѣжденіе и непоколебимую нашу вѣру, что предъ лицомъ грознаго нашествія мы все будемъ вмѣстѣ; мы все одинаково готовы достоинствомъ своимъ, жизнью своей и близкихъ намъ людей бороться противъ попытки врага, старающагося сломить силу и свободу великой родины нашей. Мы вѣримъ, что на неправое поднятаго мечъ Господь, и что Россія въ этой исторической борьбѣ, какъ и въ прежніе годы тяжкихъ испытаній, сплотившись вокругъ своего Царя, выйдетъ изъ этой борьбы единой, нераздѣльной, правдивою, выросшею, обновленною и окрѣпшею (Шумные продолжит. аппл.).

Резолюція Гос. Думы.

Декларация и рѣчи закончены.

Крайніе лѣвые, не желая голосовать противъ нагвѣченной резолюціи, покидаютъ залъ засѣданій, и М. В. Родзико оглашаетъ слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовольствія убѣдившись, что были исчерпаны все средства для сохранения мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелейшій часъ испытанія предъ надвигающеюся военной грозой весь народъ Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя готовы стать

на защиту родины, ее чести и достоинства. Въ сознаниі этого, Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченію семей запасныхъ,—Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполнению геройскаго своего долга*.

Формула эта принимается единогласно. Принятіе формулы прилѣтствуется шумными рукоплесканіями и пѣніемъ гимна.

Принятіе законопроектовъ.

Безъ преній, въ порядкѣ слѣдственности, принимаются всѣ три законопроекта, поставленные на повѣстку: о повышеніи цѣвъ на водку и акциза на табакъ и пиво, о прекращеніи размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и объ израсходованіи на внешнія нужды кредитовъ, не являющихся неотложными.

По предложенію С. П. Шидловскаго, принимается слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Гос. Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы въ дополненіе къ производству закона 25 іюня 1912 г. мѣрамъ были привлечены къ дѣлу обезпеченія семей запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы, въ тѣсномъ единеніи съ административными органами.“

Повѣстка исчерпана.

Роспускъ Гос. Думы.

Предѣлатель приглашаетъ членовъ Гос. Думы стая выслушать Высочайшій указъ:

На основаніи ст. 99 основныхъ государственныхъ законовъ, повелѣваемъ: залятіи Государственной Думы прервать 26-го іюля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе 1-го февраля 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ*.

— Государю Императору „ура“—возглашаетъ М. В. Родзянко.

„Ура“ подхватывается всей Г. Думой. Депутаты исполняютъ гимнъ, и въ 6 ч. 25 м. историческое засѣданіе Гос. Думы объявляется закрытымъ.
(Окончаніе будетъ).

Вѣнокъ на свѣжую могилку „старой русской народной пѣски“.

Новое молодится —
Старое забывается*.
(Народная пѣсня).

Лѣтъ двадцать тому назадъ вологжанинъ—И. Я. Львовъ *) въ своей книжкѣ „Новое время“—„Новыя пѣсни“ отмѣчаетъ поворотъ въ народ-

*) И. Я. Львовъ—„Новое время“—„Новыя пѣсни“. Изданіе 1894 г. (о поворотѣ въ народную пѣсню).

ной поэзіи. Теперь его предсказаніе быстро исполняется. Въ русской „деревнѣ“ мы не слышимъ больше длинныхъ, тягучихъ пѣсенъ, съ очень интереснымъ содержаниемъ, но безъ всякаго стиха, вычурной „рифмы“, — ихъ замѣнили „частушки“ *). Это маленькія въ четыре стихика пѣсенки, выражающія какъ бы протестъ „старой деревнѣ“ и непріязнь къ пѣснямъ „Старины“. Чѣмъ заслужили эту непріязнь народныя пѣсни, почему молодое поколѣніе не любитъ того, что такъ любили ихъ отцы и дѣды?... Такъ и хочется встать рядомъ съ народною пѣсней и бороться за ея свободу и независимость, такъ и хочется громко сказать: „Безумцы! вы промѣниваете золото на мѣдь!“ По то, чѣмъ такъ дорожило интеллигентное, научное общество, за чѣмъ ревниво слѣдило, прошло: возрвать „старой народной пѣсни“ невозможно. Никогда не услышимъ мы пѣть устами нашего народа тягучей пѣсни, никогда крестьянская свадьба не будетъ такой интересной и оригинальной, какой была она въ „сѣдую старину“.

Народная пѣсня сохранится только благодаря тому, что были люди, которые дорожили ей, любили слушать ея грустные напѣвы, воспроизводили на нотахъ и издавали большіе сборники пѣсенъ „народа“. Большое спасибо такимъ людямъ: „они исполнили свой долгъ по отношенію къ пѣснѣ“ и къ родитѣ.

Въ настоящее время „Пашь Сиверь“ довольно богатъ литературою о старой народной пѣснѣ**), но и всякія новыя свѣдѣнія должны приниматься съ благодарностью, такъ какъ „жатва“ велика, а „дѣлателей“ мало! Нужно работать на пивъ народной пѣсни, нужно энергичнѣе разспрашивать „старожиловъ“ — дабы сохранить „старую пѣсню“ хотя на бумагѣ. Много еще глухихъ уголковъ „Нашего Сивера“ хранить эти пѣсни; есть еще „старушки-свахи“, съ тоской вспоминающія

*) Желющіяхъ познакомиться съ пѣнями народнымъ творчествомъ отсылаю къ статьѣ С. А. Досева — Деревенская пѣсня и музыка въ Вологод. губ. 1911 года. „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сивера“.

**) *Примечаніе.* Литература о народной „старинной“ пѣснѣ Вологодской губерніи: 1) Пляничій П. А. — Игровыя пѣсни Волог. губ. — Вол. Губер. Вѣдомости 1884 № 26 — 31; 2) Деревенское веселье въ Вол. губ. Современ. — Александровъ В. А.; 3) Аршишевъ В. Ѡ — Зырянскія загадки и пѣсни; 4) Дьялаторскій С. А. — Свадебный день въ Калининскомъ уѣздѣ, Вол. губ. Губер. Вѣдом. 1890 № 42, 44, 45, 48, 50; 5) Его же — Капушь свадебнаго дня въ Тройчинѣ, Кадниковскій у. Ibid. 1891 № 1, 2, 6) Пляничій П. А. — Повѣствовательныя пѣсни Волог. уѣз. Губ. Вѣд. 1883 № 19, 27; 7) Его же — Выгонныя пѣсни Вол. губ. Ibid. 1893 № 39, 43, 46, 48, 49, 51; 8) Его же — Народныя пѣсни Волог. губ. I. Свадебныя пѣсни. Ibid. 1894 № 4 — 8; 9) Его же — Народныя пѣсни — шуточные и любовныя Ibid. 1884 № 32, 33, 34 — 38; 10) Пляничій П. А. — Свадебные обычаи въ Горюхино-Николаевскомъ приходѣ, Устюжскаго у., Вол. губ. Ibid. 1880 № 23, 24; 11) Кичинъ В. Е. — Свадебные обряды въ Кадников. ж. у. Ibid. 1890 № 53 и 1891 № 8; 12) Его же — Святки. Ibid. 1891 № 4; 13) Кошелевъ П. А. — Зырянскіе обычаи Ibid. 1848 № 49; 14) Обнорскій П. А. — Народныя пѣсни Вологод. губ. Вол. Губ. Вѣд. 1883 № 16, 17, 18; 15) Поповъ К. А. Забѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ Волог. губ. Извѣстія Импер. люб. этнографіи, томъ XIII, выпускъ I; 16) Скворцовъ Л. — Свадебные обычаи и празднества крестьянскаго населенія Тотемскаго у. Вол. Губ. Вѣд. 1880 № 50, 51; 17) Шустиковъ А. А. — Народныя игры Кадников. у. Живая Старица 1895 № 1; 18) Народныя пѣсни Тотемскаго уѣз. Ст. Ѡ. Малюпинскій, изд. 1912 г.; 19) Святочные обычаи въ Калинин. у. А. Д. Неуступовъ 1913 г. въ Извѣстіяхъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сивера № 1; 20) П. А. Дьялаторскій. — Свадебные обряды Вол. губ. Этнографическое Обзорніе 1913 г.; 21) А. Д. Неуступовъ. Крестьянская свадьба въ Васильновской волости, Кадник. у. Вол. Губ. Этногр. Обзорніе 1903 г.; 22) А. Поповъ. — Народная пѣсня прошло и теперь. — Вологод. уѣз., Волог. губ. вѣд. Епархіальныя Вѣдом. 1914 годъ; 23) Едемскій. — Свадьба въ Кокушенѣ 1913 г.; 24) Св. А. Поповъ. — Свадебныя пѣсни Вологодской губерніи съ нотами. Извѣстія Импер. люб. антр. и этнографіи 1914 годъ и др. и др. . .

прежнія времена. Ихъ рассказы не истощимы—каждый разъ что нибудь новое, интересное. Они знаютъ много, но хранятъ это, какъ святыню, какъ „ладонку“—лишь только рѣдкому „счастливицу“ выпадаетъ на долю слушать „русскую бабушку“, любоваться ея вдохновеннымъ лицомъ, слушать изъ устъ свидѣтельницы „былого“—„старую истину“.

Грустно становится, когда возьмешь въ руки томикъ „нѣсенъ народной жизни“. Это все, что осталось намъ! Жизнь идетъ впередъ, кто то тщательно замѣчаетъ ея слѣды и даетъ ей все новое, новое направление... Вотъ я теперь вспоминаю о „свадебной народной нѣсенѣ“. Ее я записалъ два года тому назадъ изъ устъ одной изъ „русскихъ бабушекъ“. Какъ я узналъ, эта старушка поконитъ вѣчнымъ сномъ, вмѣстѣ съ нею похоронены и нѣсени, которые я слышалъ отъ нея. Ихъ то и хочу я повѣдать лицамъ, интересующимся „народной нѣсеней“.

I.

Въ одномъ изъ домиковъ деревни В., Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, на самомъ краю жила старушка-сваха—бодрая и жизнерадостная. Мнѣ не вѣрилось, что ей 82 года. Станетъ вспоминать старушка прежнее „житье-бытье“, заплачетъ, а потомъ и польются изъ ея устъ безыскусственные интересные свадебныя нѣсени, оригинальныя... обычаи и т. п. Рассказы ея захватываютъ тебя, любовь къ „роднигѣ“ проникала въ твое сердце отъ ея словъ. О свадьбѣ она рассказывала интересно и просто. Вотъ порядокъ и содержаніе ея рассказа:

а) *Сватовство.*

Молодому „парнеку“ пришло время жениться. Онъ выбираетъ себѣ „сваху“ изъ немолодыхъ женщинъ и посылаетъ къ дѣвницѣ, которая ему прапанца *). „Сватушня“ отправляется къ родителямъ невѣсты и спрашиваетъ ихъ согласія: выдадутъ ли они дочь за N человѣка, если они согласны, то она знакомитъ ихъ съ матеріальнымъ состояніемъ жениха и проситъ назначить день, когда родители жениха могутъ пріѣхать осмотрѣть приданое невѣсты. День назначается, въ этотъ день и пріѣзжаютъ женихъ съ родителями и свахой. Женихъ проситъ въ приданое денегъ и „одежы“ для невѣсты, и если невѣста бѣдная, родители ея просятъ уступить. Женихъ, немного „покуржившись“, соглашается и, въ свою очередь, зоветъ невѣстинныхъ родныхъ осмотрѣть „положеніе“, т. е. состояніе жениха. Здѣсь происходитъ то же, что и у невѣсты; наконецъ, обѣ стороны, удовлетворенныя „осмотромъ“, соглашаются совершить бракъ между своими дѣтьми; молятся Богу и назначаютъ день „проповѣв“. На „проповѣвкѣ“ сѣзжаются только „сродственники“ со стороны невѣсты, а женихъ дѣлаетъ имъ угощеніе. Здѣсь же окончательно уговариваются о днѣ „сидитъ“ и „свадьбы“.

б) *Сидитъ.*

На „сидитъ“ сѣзжаются гости только со стороны жениха. Они входятъ въ домъ въ сопровожденіи сватушни, которая спрашиваетъ хозяйку: „Ждали ли гостей на сегодняшний день?“ Хозяйка отвѣчаетъ: „Ждали и милости просимъ, сватушня любезная“. Сватушня опять спрашиваетъ: „Чѣмъ вы своего дитя падилайите“,—они отвѣчаютъ: „Пресвиной Богородицей“. Въ это время выходитъ невѣста, происходитъ благословеніе. Послѣ благословенія всѣ садятся за столъ и поздравляютъ „благословленныхъ“ и родителей съ „нареченными“. За столомъ быва-

*) И сохраняю мѣстное произношеніе.

еть богатое угощеніе. Лишь стоитъ вспомнить „Крестьянскую шпирску“ нашего знаменитаго поэта Кольцова—фантазіи читателя дополнитъ мое описаніе угощенія.

Послѣ „попойки“ и щедраго угощенія гости разѣзжаются по домамъ. Женихъ для виду вмѣстѣ съ ними тоже уходитъ отъ невѣсты, но потомъ вмѣстѣ со сватушкой снова возвращается. Сваты говорятъ: „сватуха“ и „свахонка“, мы нерячоточки забыли (на самомъ дѣлѣ этого не было). Родители невѣсты отвѣчаютъ: „Если забыли, то пусть найдутъ (и называютъ имя жениха). И женихъ выводитъ свою нареченную, которая была спрятана въ своихъ подружкахъ и говоритъ: „Тягенька и маменька, подойдите сюда“; родные невѣсты подходятъ, женихъ же продолжаетъ: „тягенька и маменька, кормили вы своего дитя до суженаго, то пропойте и прокормите до злата вѣнца, а если она будетъ плакать и тосковать, то вы извольте ласковыми словами уговаривать“. Женихъ послѣ этихъ словъ, простившись съ невѣстой, уходитъ, невѣста его провожаетъ за дверь, порочается назадъ, схвативши лицо руками, еле выговаривая слова:

Подступитесь, голубушки —
Мои милыя подруженьки.
Вы снимите съ меня цвѣтно-платьецо
Да цвѣточки мои алые...

Пока подружки раздѣваютъ ее, она молчитъ, но вотъ приходитъ мать и закрываетъ дочь-невѣсту платкомъ,—дочь вмѣстѣ съ подружками начинаетъ тягуче и монотонно причитать:

Поднялся руки бѣдыя
На мою на буйну голову.
Прикрыла голубушка
Половину свѣта бѣлаго;
Разступитесь, голубушки —
Мои милыя подруженьки.
Ужь вы дайте мнѣ встати
На свои на рѣзвы ноженьки,
И чудочки на бумажныя,
На башмачки на сафьянныя
Мнѣ пройти молодешенькѣ
Да ко родимому батюшку.

И ведутъ невѣсту подружки къ отцу и невѣста падаетъ къ отцу, къ ногамъ и начинаетъ плакать, причитая:

Спасибо тебѣ, мой батюшка,
Тебѣ на хлѣбъ и на солѣ,
И на твоѣй добродѣтели,
Ты берегъ, мой батюшка,
Отъ вѣтру и отъ вихоря,
Да отъ краснаго солнышка.
И ты не могъ, мой батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки;
Иль—я много вамъ досадила,
Иль сусекъ я хлѣба вѣхла,
Иль другой я поразвѣдала...

Подружки подводятъ невѣсту поочередно ко всѣмъ роднымъ съ этимъ же „причетомъ“, только измѣняютъ названіе: братъ, или сестра или кто дорогой.

в) *Подвѣщиваніе.*

На другое утро приходятъ подружки и приносятъ (невѣстѣ подарки; одна платокъ, другая денегъ и д.—Невѣста, принимая подарки, начинаетъ причитать, говоря:

Вамъ спасибо, голубушки—
Мои милыя подруженьки,

Что на вашихъ на подарочкахъ,
 И возьму ваши подарочки
 Во свои я руки бѣдныя
 И положу ваши подарочки
 И во кошачья ящичекъ,
 И повезу ваши подарочки
 На чужу дальню сторонушку.
 Растоскуется сердечушко
 На чужой дальной сторонушкѣ
 У меня у молодешоньки. —
 И возьму ваши подарочки
 Во свои я руки бѣдныя,
 Положму эти подарочки
 Ко сердечку ретинному.

Потомъ подружки пойдутъ топить баню. Зажгутъ какихъ-нибудь
 лучинокъ пять-шестъ и, вернувшись назадъ, останавливаются за дверью
 дома и причитаютъ:

Да не гнѣся ты, поплапочка,
 И не дожили переводники,
 Не убойся, красна дѣвица —
 Ни зифри въ тебѣ идутъ,
 Ни злати медвѣднца.
 По тебѣ идутъ, голубушка,
 Твои милыя подруженьки.
 Тебя позвати и нечестивати
 Тебя въ теплую паруну,*
 Но теплую подъявечную.
 У насъ тепдал наруша
 Тихоничко топилася,
 Что со дыакомъ не мутилася.
 У насъ баня то помял,
 Передбанно тесовое.
 У насъ двери то стоклиныя,
 Что косяки у нихъ хрустальныя;
 У насъ „каменка“ жемчужная.
 А что по низамъ да по лавкамъ —
 Все кунницы да соболы.
 И среди то теплой паруни
 Стоить столбичекъ тосоненькой,
 А на этомъ то на столбичкѣ
 Стоить блюдо серебряное,
 И что въ этомъ то блюдочкѣ
 Три стаканчики хрустальныя:
 А что во первомъ то стаканчикѣ
 Възяла-то бѣдныя,
 Во второмъ то стаканчикѣ,
 Маяла то злыя,
 И что въ третьемъ то стаканчикѣ
 Твоя дѣвичья красота,
 Твое дѣвичье украшеньце.
 Положи ты руку на свободу,
 Отворяй-а дворк на яту.

Двери дома отворяются, и подружки входятъ въ домъ и одѣваютъ по-
 шесту въ баню, подводятъ къ родителямъ на благословеніе. Родители бла-
 гословляютъ дочь образомъ, а подружки причитаютъ жалобнымъ голосомъ:

Что не березка то клонится,
 Да не злетья ли разсыпаются,
 То красна дѣвица молится.

Нельзя говорить:

Что первый я поклонъ положу
 За Царя я благоуѣрнаго,
 Иначе поклонъ положу

*1 По мѣстному выраженію у насъ „баня“.

За Царицу благовѣрную;
 Я еще поклонъ положу
 За родимаго батюшку
 И за родимую матушку.
 И еще поклонъ положу
 За себя я молодешеньку,
 и еще поклонъ положу
 За чужаво-чужевничка.
 Что за сына отцаго,
 За грозу я молодецкую.

Подружки ведутъ невѣсту въ баню, а одна изъ нихъ, какъ бы раз-
 метая дорогу имъ, причитаетъ:

Ты свѣти, свѣтель мѣсяць,
 Во всю ноченьку темную.
 Да не ступать бы молоденькѣ
 Во коньвую ступенечку,
 Не сронить бы молодешенькѣ
 Мнѣ дѣвичью красоту,
 Мнѣ дѣвичье украшеньицо.

Всѣ входятъ въ баню. Въ банѣ подружки, расплетая косу невѣ-
 стѣ, пригваютъ:

Ты катися, руса коса,
 Съ плеча ты на плечо,—
 Съ праваго—на лѣвое,
 Ты подкатися, руса-коса,
 Ко сердечушку ретивому.

Выходятъ изъ бани, причитая тотъ причетъ, съ которымъ вошли
 въ баню. Дома они раздають дѣвью красоту: какіянибудь ленточки,
 цвѣточки подъ причетъ:

Я отдамъ дѣвичью красоту,
 Свою дѣвичье украшеньицо
 Своимъ милымъ подруженькамъ.
 Вы носите, голубушки,
 Мою дѣвичью красоту
 И съ косы не выплетайте,
 Меня вы чаще вспоминайте.
 Вспоминайте, голубушки,
 Хотя въ часокъ одиноа,
 А если часто вамъ покажется,
 То въ лепечикъ одиноа,
 А если часто покажется,
 Хотя въ недѣлю одиноа,
 А если часто покажется,
 Хотя въ голочекъ одиноа.
 А я возму свою дѣвичью красоту
 Во свои я руки бѣлыя
 И свесу дѣвичью красоту
 Во лѣса я во дремучіе,
 И повѣшу свою красоту
 На березку на кунелявую.
 Тутъ придуть же добры молодцы
 Съ топорами со вострыми,
 Подѣкутъ эту березоньку,
 И покалится моя красота.
 Это чья же дѣвичья красота?
 Она не честно изношена,
 Что не къ мѣсту положена.
 Тутъ ей не мѣсто, ни местечко,
 Не житье ей вѣковѣчное.
 И возму я дѣвичью красоту
 Во свои я руки бѣлыя,
 Отнесу я свою красоту
 Во луга я во зеленые.

И положу свою красоту
 На траву я на зеленую...
 Тутъ придуть же добры молодцы
 Со косами со вострыми.
 Подкосить же эту травоньку,
 И покатится вмѣстѣ съ травонькой
 Моя красота дѣвичья!
 Эта чья же дѣвичья красота?
 Она не честно изношена
 Да не къ мѣсту положена...
 Я позьму же свою красоту
 Во свои я руки бѣлыя.
 Я снесу жъ — свою красоту
 Что къ Николѣ ко Святителю.
 Я положу свою красоту
 За престола я Вожьей Матерь.
 Стануть люди ходить,
 Они Богу молиться...
 Это чья же дѣвичья красота?
 Она честно изношена.
 Она къ мѣсту положена.
 Тутъ ей мѣсто и мѣстечко,
 Тутъ житье ей вѣковѣчное.

г) Свадьба.

Изъ близкихъ родственниковъ жениха выбираютъ болѣе веселаго, онъ и исполняетъ роль „дружка“. Дружка, прѣзжая за невестой, говоритъ: „здравствуйте, сватухки и свахонька, я пришелъ дружка младъ и не умѣю врать, пожалуйста мнѣ въ опояску платъ; кружку пива и соли, и хлѣба“. Ему подають; онъ, опоясавши себя платкомъ-полотенцомъ, беретъ кружку пива и хлѣбъ съ солью и идетъ встрѣчать гостей, съ которыми потомъ онъ отправляется въ ближайшую церковь, гдѣ и состоится свадьба. На другой день „дружка“ поджидаетъ, когда встанутъ молодые и вмѣстѣ съ ними идетъ пить чай. Въ это время приносятъ свѣжий недержанный вѣнникъ и предлагаютъ его купить новобрачнымъ. Вѣнникъ покупается за 5 рублей или болѣе и дѣлають „липки“ — пьютъ вино и закусывають. Послѣ закуски топять баню, куда и ведетъ на пѣсколко времени повобрачныхъ „дружка“. Приходитъ родня жениха, и все садится снова за угощеніе, а женихъ съ невестой ходятъ вокругъ стола и усердно угощаютъ. Этотъ столъ зовется „Первостипно Красное“...

Долго веселятся родственники новобрачныхъ — только на третій, на четвертый день они разъѣжаются...

„И тамъ у нихъ на свадьбѣ была, медь, пиво и пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало... съ шуткой закапчивала старушка...“

А. Непенинъ.

Яренское земство и нефть на Ухтѣ.

Путевыя замѣтки особаго совѣщанія Яренскаго уряднаго земства при поѣздкѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1914 года на Ухту.

I.

14 марта 1914 г., въ 9 час. утра изъ города Яренска выѣхало на рѣку Ухту къ величайшимъ нефтянымъ залежамъ, особое совѣщаніе яренскаго уряднаго земства.

Совѣщаніе состояло изъ предѣдателя яренскаго уѣзднаго земскаго собранія, предѣдателя уѣзднаго сѣзда С. П. Турбина, предѣдателя яренской уѣздной земской управы В. В. Воинова и старшаго бухгалтера управы П. А. Бѣлоусова-Милорадовича. Въ составъ этого совѣщанія входили также выѣхавшіе 11 и 12 марта членъ управы П. А. Воронинъ и дорожно-строительный техникъ В. В. Скоковскій.

Погода поѣздкѣ совѣщанія благоприятствовала: день выдался удивительно хорошій, солнечный, съ легкимъ бодрящимъ морозомъ. Солнышко весело сіяло, посылая свои живительные лучи на просыпающуюся отъ тяжелаго, долгаго зимняго сна богатую сѣверную природу. Въ воздухѣ и во всемъ окружающемъ чувствовалась близость весны. По хорошей зимней дорогѣ подъ однообразный скрипъ полозьевъ салеи и подъ чарующе-заунывные, монотонно скучные звуки колокольчиковъ незамѣтно какъ промелькнуло небольшое разстояніе, когда прибыли въ большую зырянскую деревню Межогъ, отстоящую отъ гор. Яренска въ 20 верстахъ и расположенную въ одной верстѣ отъ рѣки Вычегды, съ населеніемъ въ 700 человекъ. Деревня эта ничего особеннаго изъ себя не представляетъ и если отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ селеній, то исключительно лишь тѣмъ, что одну половину ея населяютъ русскіе, а другую—зыряне. Характернымъ признакомъ зырянскихъ селеній вообще, а въ частности жилищъ отдѣльныхъ зырянъ-домохозяевъ являются ихъ постройки, архитектура которыхъ отличается той особенностью, что дома, обыкновенно, дѣлятся на три части: двѣ трети ихъ (по угламъ съ лицевой стороны), приблизительно, отводятся подъ жилище, а оставшая третья часть, средняя дома, отводится для скота. Крыша всѣхъ построекъ плоская, съ малозащитеннымъ покатомъ въ обѣ стороны. Небольшія окна дѣлаются разныхъ размѣровъ и располагаются безъ соблюденія какой-либо симметріи: то высота ихъ доходитъ до аршина съ небольшимъ, а то уменьшаются до полуаршина.

Переѣхавъ въ Межогѣ лошадей, совѣщаніе также быстро миновало и второе зырянское селеніе Жешартъ, съ числомъ жителей въ 900 челов. Въ селѣ этомъ имѣется благоустроенная каменная церковь, волостное правленіе и фельдшерскій пунктъ. Вблизи села находятся большія по занимаемому пространству и богатыя внутреннимъ содержаніемъ залежи желѣзной руды. Слѣдующею остановкою было большое село Гамъ, въ коемъ при 600 ч. жителей имѣется вмѣстительная церковь и прекрасная двухклассная учительская школа духовнаго вѣдомства.

Продолжая далѣе путь на переѣзженныхъ лошадяхъ, при довольно быстрой ѣздѣ прибыли въ дер. Айкинъ, находящуюся въ 60 пер. отъ гор. Яренска, съ числомъ жителей въ 1500 чел. Здѣсь имѣется хорошо оборудованная ремесленная школа, прекрасныя издѣлія которой по красотѣ своего стила и изяществу отдѣлки пользуются широкимъ заслуженною популярностью далеко за предѣлами яренскаго уѣзда.

Наслаждаясь здоровымъ воздухомъ яснаго весенняго дня, совѣщаніе около 3 часовъ дня было уже въ 85 пер. отъ гор. Яренска, въ большомъ селѣ Устьвымѣ, имѣющемъ свое исторически-знаменитое прошлое, гдѣ самобытность Сѣвера переживалась съ настоящимъ культурною жизнью.

Село Устьвымъ, широко раскинувшееся на мало возвышенной равнинѣ при слияніи рѣки Выми съ Вычегдою, имѣетъ свыше 1500 чел. жителей. Село это большое, торговое, съ прекрасно оборудованными

ремскою школою и больницею, а также волостнымъ правленіемъ и почтово-телеграфнымъ отдѣленіемъ. Далекое въ прошломъ здѣсь была резиденціею св. Стефана Пермскаго, побѣдившаго силою своей вѣры—прохожденіемъ черезъ огонь—языческаго кудесника Пама. До настоящаго времени Устьвымъ сохранилъ въ народѣ самыя свѣтлыя преданія о просвѣтительной дѣятельности св. Стефана Пермскаго. Воздвигнутыя же имъ святыя церкви служатъ прекрасными памятниками старины и своими простыми, но красивыми контурами чаруютъ взоры любителей стариннаго русскаго зодчества.

Въ Устьвыскомъ соборѣ до сихъ поръ сохранилась каюдра 13-ти бывшихъ здѣсь епископовъ. Кромѣ собора, въ Устьвымѣ есть еще 4 хорошихъ церкви.

Въ 6 час. вечера сощѣпаніе тронулось далѣе въ путь, миновавъ расположенную въ 2-хъ верстахъ отъ Устьвыма по р. Вычегдѣ дер. Возвиздино и большую дер. Пѣвъ, въ 7½ час. вечера прибыло въ большое торговое село Серогово. Село это расположено на склонахъ крутого берега р. Выми, который зигзагами и причудливыми изгибами спускается къ рѣкѣ. Раскинулось оно на довольно красивой мѣстности съ сухимъ и здоровымъ воздухомъ, среди хорошаго сосноваго, въ перемежку съ елями и пихтами, лѣса. Имѣетъ 1500 челов. жителей.

Въ Сероговѣ имѣется солеваренный заводъ, залученный его владельцами, но имѣющій свою прониую славу. Заводъ эксплуатируется предпринимателемъ, который продаетъ населенію исоочищенные сорта соли по цѣнѣ первосортной—40—45 коп. за пудъ. Соленая вода добывается изъ одной уральской здѣсь изъ бывшихъ девяти скважинъ съ глубины 170 саж. Вода эта при помощи самыхъ примитивныхъ машинъ по проржавленнымъ трубамъ, давно нуждающимся въ капитальномъ ремонтѣ, поднимается наверхъ. Добыча соли носитъ первобытный характеръ и производится посредствомъ вывариванія. Вода содержала въ себѣ до 15% соли, но, смѣшиваясь черезъ трубы съ почвенными водами, теряла процентъ содержанія соли, понизившейся нынѣ до 8%. По даннымъ компетентныхъ лицъ, рассолъ этотъ богато насыщенъ сѣрными парами и весьма радиоактивенъ. По мнѣнію же мѣстныхъ врачей, г.г. Волка, Фабрикантъ и др., названная вода обладаетъ высочайшою цѣлебною силою, далеко превышающею своею активностью такую же силу водъ, существующихъ сѣверныхъ русскихъ курортовъ, какъ, напр., Леденческа, Тотемскаго уѣзда, и др. По рассказамъ мѣстныхъ обывателей, вода эта очень быстро вылѣчиваетъ совершенно самыя застарѣлыя ревматизмы, подагры и другія хроническія болѣзни. Мѣстное населеніе, сожалѣя о своемъ отказѣ иренскому земству въ отводѣ небольшой площади земли подъ постройку больницы, оборудованной нынѣ въ с. Устьвымѣ, въ настоящее время пренебрежено желаніемъ, чтобы земство открыло здѣсь въ с. Сероговѣ хотя бы небольшую, на первое время, курортъ. Красивая же мѣстность с. Серогова несомнѣнно послужила бы главнымъ залогомъ бы скорѣйшему развитію курорта. Незначительныя средства, необходимыя для подробныхъ изслѣдованій скрытыхъ цѣлебныхъ силъ, едва ли могли бы лечь тяжелымъ бременемъ на бюджетъ иренского земства. Если же изслѣдованіе подтвердитъ циркулирующіе слухи о цѣлебной силѣ соленыхъ источниковъ, то вмѣстѣ съ устройствомъ соле-дочевнища необходимо будетъ устроить земскій солеваренный заводъ. Эта послѣдовательная организація двухъ крупныхъ предприятий, безусловно, вышлѣ отвѣчая самымъ насущнымъ потребностямъ всего сѣ-

верхаго края и не противорѣча основнымъ принципамъ земскихъ мѣропріятій, оживила бы до нѣкоторой степени весь край, и, во всякомъ случаѣ, расходы на эти предпріятія не внесли бы дефицита въ солидный бюджетъ богатаго земства. Устройство курорта въ Сероговѣ является самой назрѣвшей потребностью: это есть дѣло первой и необходимой жизненной важности и не только для мѣтнаго населенія иренскаго уѣзда, но и населенія всей губерніи, ибо вода своими цѣлебными качествами какъ бы сама приходитъ на помощь къ больнымъ людямъ, излѣчивая многія болѣзни и недуги, предъ которыми и настоящая медицина безсилна. Вологодскому губернскому земству, производившему въ 1910 г. экономическое обследованіе мѣстностей, прилегающихъ къ воднымъ путямъ губерніи, слѣдовало бы также обратить особое вниманіе и на эту отрасль промышленности, могущую получить широкое развитіе.

Изъ Серогова на перемѣнныхъ лошадяхъ совѣщаніе отправилось въ дальнѣйшій путь и въ 10 час. вечера прибыло въ село Княжногость. Это большое село, съ населеніемъ въ 1500 чел., бывшая резиденція князей Удорскихъ и Обдорскихъ, развалины замка коихъ находятся недалеко отъ Княжногоста. Въ этомъ селѣ есть каменная церковь, земская школа, фельдшерскій пунктъ и волостное правленіе. Особыхъ достопримѣчательностей, оставшихся отъ бышнихъ временъ, замѣтить не удалось.

Утромъ 15 марта совѣщаніе въ Княжногостѣ на земской станціи встрѣтило члена устьсысольской земской управы г. Макарова, возвращающагося изъ поѣздки на Ухту, который сообщилъ, что дорога отъ Сидора на Ухту мало паѣзжена, что по ней въ удобныхъ случаяхъ проѣхать будетъ трудно, и что, наконецъ, онъ, предупрежденный о поѣздкѣ совѣщанія, нанялъ для него вольныхъ лошадей за счетъ содержателя земской станціи, и рекомендовалъ взять съ этой станціи сани разбромъ поменьше. Затѣмъ г. Макаровъ добавлялъ, что наблюденіе устьсысольской управы за этими далеко лежащими на территоріи Иренскаго уѣзда станціями дѣло совѣмъ ей неподручное, и что управа была бы очень рада, если бы иренское земство взяло на себя трудъ по наблюденію за этими станціями, такъ какъ она, т. е. устьсысольская управа, въ виду громадной территоріи уѣзда, почти лишена всякой возможности имѣть необходимый за станціями надзоръ, представители иренскаго земства высказали, что въ принципѣ они съ этимъ согласны, тѣмъ болѣе, что иренскимъ земствомъ возбужденъ нынѣ вопросъ объ отпускѣ изъ казны 240 тысячъ руб. на соединеніе Ухты постоянной колесной дорогой.

Въ 7 часовъ утра совѣщаніе снова тронулось въ путь, дорога оказалась малонаѣзженной, но все же была настолько удовлетворительна, что ѣхать по ней было вполне возможно. Прологааетъ она по просѣлкѣ между зарослями вырубленнаго соснаго и еловаго дѣса.

Погода начала понемногу хмуриться: изрѣдка набѣгали небольшіи темныя тучки.

Черезъ 1½ часа уже подъѣхали къ земской пѣкѣ „Ракнасъ“, выстроенной въ 17 вер. отъ Княжногоста на рѣкѣ Кылтонѣ.

Перемѣнивъ лошадей, отправилась къ конечной цѣли нашего пути. Дорога проходила по той же просѣлкѣ: иногда боромъ между безконечной зарослью и ломомъ, иногда незначительными болотами по довольно прямой линіи, съ небольшими уклонами въ сторону. На этой части дороги крутыхъ неудобныхъ подъемовъ и уклоновъ не было. Спуски же

и подъемы на протекающихъ на пути рѣкахъ—„Дупь-Вожь“ и „Вой-Вожь“—были неустроены, круты и неудобны; кромѣ того, на нихъ было много рытвинъ и ухабовъ. Земская изба на рѣкѣ „Вой-Вожь“ отстоятъ отъ избы „Ракнасъ“ въ 27 вер.

Послѣ небольшой остановки, смѣнивъ лошадей, поѣхали дальше и въ 3 часа дня прибыли въ дер. Синдоръ, расположенную на рѣкѣ „Симвъ“, вытекающей изъ изобилующаго разными рыбами озера „Синдоръ“. Озеро это находится вблизи деревни Синдоръ; это довольно большая деревня съ чрезвычайно запутаннымъ планомъ, беспорядочными улицами-переулками и тяжелымъ тиномъ построекъ.

Дорога отъ Синдора продолжала идти тою же безконечною простѣкой съ одинаковыми характерными мѣстными породами деревьевъ и, не доходя версты на 10 до Рончи, пошла черезъ широкое болото, длиною версты на восемь. Мѣстность эта при проведеніи лѣтней грунтовой дороги потребуетъ большихъ денежныхъ затратъ на осушеніе, дренажъ и засыпку гатей.

Вечеромъ нависли тяжелыя, свинцовыя тучи, закрывшія весь небесный сводъ, пошелъ большими хлопьями мокрый снѣгъ, ѣхать становилось труднѣе, лошади едва бѣжали мелкой, дробной рысцою и часто останавливались.

Близъ рѣки „Есеръ“, одно и то же „Висль“, дорога шла болотистою мѣстностью съ жидкою растительностью тощихъ клочковъ и сосенъ. При постройкѣ грунтовой дороги въ этой мѣстности, несомнѣнно, потребуются большія затраты: по проконкѣ канавъ, устройству гатей, а также и по устройству мостовъ.

Наконецъ добрались до ст. Ронча—первой земской избы Устьесольскаго уѣзда, довольно грязной и выстроенной на крутомъ берегу Рончи. Изба эта находится въ 30 вер. отъ Синдора и 75 пер. отъ Ухты. Здѣсь совѣщаніе ждало разочарованіе: вопреки увѣреніямъ члена управы устьесольскаго земства г. Макарова, приготовленныхъ лошадей не оказалось. На ст. Ронча находилось всего лишь 5 лошадей, а на послѣдующихъ за нею станціяхъ ихъ вовсе не было. Такимъ образомъ, совѣщанію пришлось ѣхать на заморенныхъ лошадяхъ около 180 версты (до Ухты 74 версты и обратно до Синдора 104 версты). Отсутствіе на станціяхъ лошадей не давало возможности ѣхать безъ задержки. Рѣшивъ, во всякомъ случаѣ, продолжать путь и взявъ всѣхъ имѣющихся на станціи лошадей, поѣхали дальше. Мокрый снѣгъ продолжалъ падать, дорога стала портиться, и движеніе сдѣлалось тяжелымъ—лошади часто останавливались, едва тащили наши повозки шагомъ. Уклоновъ и подъемовъ на этой значительной части пути не было. Спуски на рѣкахъ „Нортъ-Варъ“ и „Мысь-Ю“ были круты и неустроены.

На этой части просѣки были прорыты глубокия канавы, которыя ясно были видны чрезъ покровъ такой значительной снѣжной массы, и построены черезъ множество протекающихъ ручьевъ, новые и прочныя деревянныя мосты съ массивными окрашенными и выходящими изъ снѣга перилами.

На нѣкоторыхъ мостахъ, несмотря на дикую глушь, все ихъ же—важное скрѣпленіе—болты, гайки, скобы и проч. — были кѣмъ-то вырублены изъ дерева и похищены. Во время весеннихъ разливовъ на этихъ рѣчныхъ ручьяхъ вода поднималась очень высоко и плыль при такомъ громадномъ количествѣ вышедшаго снѣга вода должна быть особенно

высокой, и весной все мосты, лишенные скрѣпленій, по всей вѣроятности, будутъ снесены, если не будутъ своевременно исправлены.

Наконецъ, въ 11 час. ночи, черезъ восемь часовъ ѣзды, совѣщаніе догадилось до избы на рѣкѣ „Чинья-Ворыкѣ“, отстоящей въ 24 вер. отъ избы „Ронча“. Станціонная земская изба такая же грязная, какъ и предыдущая. На этой станціи переночевали и рано утромъ 16 марта вновь отправились въ путь. Дорога шла тою же просѣкою, по характеру мѣстности значительно измѣнилась, стали попадаться, хотя и не особенно крутые, но очень длинные подъемы и спуски. Погода такъ же, какъ и вчера, была очень пасмурная, временами падалъ хотя и рѣдкій, но мокрый снѣгъ, временами же послѣ нѣкоторыхъ промежутковъ онъ шелъ большими и крупными хлопьями.

Ожидался дождь, который могъ бы совсемъ испортить мало изъжившую дорогу, по которой предстояло возвращаться обратно.

Въ 20 верстахъ отъ избы Чинья-Ворыкѣ на крутомъ, съ неустраиваемымъ спускомъ берегу рѣки „Тобысь“ выстроена земская изба, вѣнчанный видъ которой былъ очень не презентабеленъ, внутренній же — прямо поражалъ своею грязью и неопрятностью. Внутри избы стѣны, потолокъ, полки и кое-какая примитивная мебель сильно прокопчены и покрылись толстымъ слоемъ пыли. Къ такимъ грязнымъ стѣнамъ безъ чувства брезгливости и отвращенія совершенно нельзя было подойти, а между тѣмъ совѣщанію при возвращеніи съ Ухты предстояло здѣсь ночевать. Когда же подали самоваръ, то при немъ была собрана такая грязная посуда, до которой никто изъ присутствующихъ не рѣшился дотронуться. Вопреки горячему желанію совѣщанія, тотчасъ выѣхать изъ Тобыся оказалось невозможнымъ, такъ какъ потребовалась выкормка лошадей, и надеждами на скорое прибытіе на Ухту не суждено было осуществиться, такъ какъ по крутымъ и высокимъ отрогамъ Тиманскаго хребта пришлось ѣхать медленно. Чѣмъ ближе подвигались къ Ухтѣ, тѣмъ Тиманскія горы становились круче, и тѣмъ труднѣе было усталымъ лошадямъ втягивать повозки на эти громады.

Проводить дорогу по этой части просѣки безъ дополнительнаго изысканія другого пути было бы едва ли целесообразно, хотя, несомнѣнно, провести болѣе удовлетворительную дорогу, которая бы миновала крутые подъемы и тѣмъ самымъ дала бы удобное сообщеніе съ ухтенскимъ нефтеноснымъ райономъ, въ этой мѣстности возможно, но для этого потребуется нѣкоторое отклоненіе дороги отъ нынѣ существующаго направленія версты на 4—6.

Наконецъ, послѣ труднаго пути въ 3 часу дня 16 марта совѣщаніе добралось до избы перваго пионера Сидорова, расположенной при впадѣніи рѣки „Пофты-Юль“. Изба эта стоитъ заколоченной одна на крутомъ высокомъ берегу рѣки Ухты, недалеко отъ дома и поселка князя Мещерскаго; выстроенная же нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣла съ избою казарма рабочихъ въ прошлое лѣто уничтожена пожаромъ. Кругомъ избы, въ виду выпавшаго толстаго слоя снѣга, не было видно никакихъ признаковъ добычи здѣсь нефти. Но, несмотря на это, въ воздухѣ нахло нефтью. Сигустившись по крутому берегу на рѣку Ухту, замѣтили, что на другомъ берегу ей имѣется нѣсколько нефтеносныхъ скважинъ. Къ скважинѣ вела уже проторенная дорога, служащая, очевидно, для подѣзда за нефтью. Никакихъ построекъ у скважины не оказалось.

Совѣщаніе вышло изъ сапей и направилось къ скважинѣ. Въ полутора аршинахъ отъ поверхности земли изъ трубъ, дюймовъ 10—12 въ диаметръ, кипѣла и пѣнилась черная тягучая масса, пускала пузыри и издавая присущій нефти запахъ. Опускеннымъ въ скважину берестянымъ черпакомъ нефти добыть не удалось. Когда же выпустили черпакъ, то съ него медленно стекала густая черная масса. Потомъ въ эту скважину опустили лежащій здѣсь свѣжесрубленный сосновый колъ. По извлеченіи кола изъ скважины онъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ нефти, которая стекала съ него медленно широкими толстыми струями. Когда же къ колу поднесли зажженную спичку, то находящаяся на немъ черная, тягучая, липкая масса загорѣлась медленнымъ огнемъ и, стекая съ кола на спичку, гасла. Вокругъ скважины весь спичъ былъ залитъ нефтью.

Послѣ осмотра этой скважины, совѣщаніе отправилось далѣе на казенный поселокъ, расположенный въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ избы Сидорова и перешедшій затѣмъ во владѣніе русскаго товарищества „Нефть“. На пути слѣдованія къ поселку проѣзжали мимо высокой казенной вышка со скважиной № 1. Осмотръ этой скважины былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Черезъ нѣсколько минутъ совѣщаніе прибыло къ заведывающему поселкомъ товарищества г. Клаусу, который принялъ совѣщаніе очень радушно.

Номиненція г. Клауса какъ внутри, такъ и снаружи были со вкусомъ украшены оленьими рогами, разными чучелами и крыльями птицъ: гусей, лебедей, гадарь, утокъ, рыбчиковъ и тетеревей и разными окаменѣлыми ракушками, которыхъ на Ухтѣ встрѣчается много.

Отсюда совѣщаніе съ г. Клаусомъ поѣхало осматривать работы на вновь заложенную въ 9-ти верстахъ отъ этого поселка скважину русскаго товарищества „Нефть“.

На другой сторонѣ Ухты (она въ этомъ мѣстѣ описываетъ большую кривую линію, въ видѣ чукла) имѣется развѣдочная вышка инженера А. Г. Гансберга. Когда совѣщаніе спустилось на р. Ухту, то была замѣчена скважина, пробурованная на берегу рѣки около самой воды. Изъ трубъ скважины все время выливалась въ небольшомъ количествѣ нефть, и выдѣлялись газы, которые, поднимаясь, пачезали въ воздухѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ казенной вышки № 1 въ р. Ухту съ правой стороны впадаетъ рѣка Ярега, берега которой содержатъ въ себѣ нѣсколько естественныхъ выходовъ нефти. На разстояніи одной версты отъ р. Яреги и четырехъ верстъ отъ казенной скважины № 1 въ рѣку Ухту, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка „Чути“, протекающая между высокихъ, красныхъ горъ съ берегами, также изобилующими естественными выходами нефти.

Завернувъ съ р. Яреги на рѣку Чути, совѣщаніе увидѣло необыкновенной красоты правый берегъ, грандіозно выступающій высоко надъ рѣкою. Берегъ состоялъ изъ разныхъ породъ сланцевъ, доманниковъ и другихъ цѣнныхъ ископаемыхъ и былъ такъ красивъ, что у всѣхъ насъ явилось желаніе запечатлѣть свое пребываніе у подножія этой величественной горы, но, къ сожалѣнію, въ это время не оказалось фотографическаго аппарата. Певдалетѣ отъ устья рѣки Чути, на съ лѣвомъ берегу, стоитъ маленькая, высотою сажени въ 4—5, вышка со сторожевыми и иными постройками, составляющими небольшой поселокъ, принадлежащій Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Павловны. Работы на поселкѣ въ настоящее время не

производятся. Живутъ здѣсь одни сторожа, которые сообщить совѣщанію что-либо интересное о бывшихъ работахъ на вышки не могли, а потому и пришлось проѣхать дальше, въ мѣстность Архангельской губерніи, на земли русскаго товарищества „Нефть“, гдѣ въ то время производились работы. На томъ же лѣвомъ берегу рѣки Чуты заложены три скважины „фонъ Вангеля“, одна изъ нихъ съ естественнымъ выходомъ нефти. Работъ на нихъ въ настоящее время не производится, но, по частнымъ свѣдѣніямъ, вполне заслуживающимъ вниманія, во всѣхъ скважинахъ на небольшой, сравнительно, глубинѣ имѣется нефть хорошаго качества. Въ виду недостатка свободнаго времени, пришлось отказаться отъ желанія осмотрѣть всѣ скважины „фонъ Вангеля“. Кроме скважинъ, заложенныхъ на рѣкѣ Чуты, г. фонъ-Вангелемъ заложены еще пять скважинъ на р. Ярегѣ, „Половинъ-Юль“ и др. мѣстахъ.

Въ одной верстѣ отъ вышки русскаго товарищества „Нефть“ есть постройка, принадлежащая поселку товарищества и занимаемая мастеромъ буренія—американцемъ, который только что возвратился съ вышки по окончаніи работъ. Г. Клаусъ вышелъ изъ саней и отправился просить мастера-американца показать намъ, какъ производится буреніе. Американецъ въ этой просьбѣ отказалъ, заявивъ, что разъ онъ кончилъ работу, то уже вновь начать въ тотъ же день се не можетъ. Въ послѣдствіи оказалось, что онъ съ успѣхомъ могъ бы показать работы буренія, такъ какъ и люди еще не разошлись, и пары въ котлахъ были, буровая машина и динамо могли работать. Но пріѣздъ въ поселокъ нашъ радушно встрѣтилъ довѣренный товарищества, заведывающій работами, производимыми на осматриваемомъ нами отводѣ—А. М. Головинъ, и сообщалъ, что полчаса тому назадъ уѣхала коммисія изъ гор. Архангельска, состоящая изъ печорскаго исправника и становаго пристава. Совѣщаніе, въ сопровожденіи г. Головина направилось осматривать машинное отдѣленіе, которое освѣщается электричествомъ. Машинное помѣщеніе выстроено на скатѣ горы, на берегу рѣки Чуты, недалеко отъ воды; только что построенное изъ хорошаго и толстаго лѣса чистенькое зданіе вышки выглядить довольно прочно и основательно. Осматривая всѣ эти постройки невольно думается, что все это не временныя развѣдочныя помѣщенія, а нѣчто болѣе солидное. Буреніе машинами производится самымъ дешевымъ канатнымъ способомъ, по американскому типу и американскими же машинами. Войдя въ помѣщеніе вышки, мы увидѣли, что оно все занято буровыми машинами.

А. П. Головинъ сказалъ, что только вчера на глубинѣ 92 саж. показались незначительныя „пары“. Когда же съ разрѣшенія управляющаго была поднесена зажженная свѣчка къ прѣвѣщающейся трубѣ, послѣдовалъ слабый взрывъ газовъ, которые моментально загорѣлись яркимъ пламенемъ, скоро погасилихъ. При повтореніи нѣсколько разъ этого опыта, каждый разъ нефтяные газы послѣ легкаго взрыва вспыхивали и, погорѣвъ немного, гасли. Опытъ этотъ удивилъ и обрадовалъ управляющаго, удивилъ потому, что онъ не ожидалъ, чтобы сегодня же газы могли горѣть, предполагая, что это явленіе должно было произойти не раньше, какъ черезъ двѣ или три недѣли, а обрадовалъ потому, что очень скоро появились газы, указывающіе на близкое присутствіе сильныхъ и мощныхъ залежей нефти. Объ этомъ явленіи онъ на слѣдующій же день рѣшилъ послать телеграмму въ С.-Петербургъ управленію обще-

ства. При вышкѣ уже построены и еще строить новые деревянные баки для помѣщения занасовъ ожидаемой нефти. Въ настоящее время запасы верховой, то есть болѣе плотной, нефти у т-ва не велики, не больше пудовъ 100—150. Образцы этой нефти въ 6-ти бутылкахъ со- вѣщаніе захватило съ собою и привезло въ Яренскъ.

Затѣмъ пошли осматривать кладовыя и инструментныя, въ кото- рыхъ запасы буровыхъ частей и осадочныхъ трубъ оказались незначи- тельныя. Полное же оборудование запасныхъ частей, какъ сообщили о томъ управляющій, еще не получено и ожидается настоящимъ лѣтомъ. По сообщенію г. Головина настоящая скважина размѣромъ 12 дюймовъ заложена русскимъ товариществомъ „Нефть“ съ надеждою получить фонтанобьющую нефть въ больномъ количествѣ, подобно бакинской. Труба же указаннаго размѣра въ діаметрѣ опущена въ скважину на незначительную глубину, при чемъ діаметръ скважины, по мѣрѣ углу- бленія, все уменьшается въ размѣрѣ, и на глубинѣ 95 саж. буреніе происходитъ лишь 4-хъ дюймовымъ буровымъ зубиломъ. Если буреніе- емъ до 100—125 саж. не будетъ достигнуто какого-либо серьезнаго ре- зультата, хотя трудно допустить, чтобы 4-хъ дюймовымъ зубиломъ была достигнута глубина въ 125 саж., то тутъ же рядомъ съ перлото скважиною будетъ заложена другая—съ большимъ діаметромъ, въ 22—24 дюйма и во всякомъ случаѣ не менѣе 18-ти дюймовъ. На буреніе будетъ обращено самое серьезное вниманіе, и скважина будетъ до- ведена до 250—400 саж. глубины. На вопросъ о количествѣ добываемой нефти г. Головинъ сообщилъ, что нефть появилась при выкачиваніи на глубинѣ 40—50 саж. дебетомъ до 100 пуд. въ сутки. По мѣрѣ углу- бленія количество нефти все увеличивалось, и съ виду она двалась чище (прозрачнѣе и легче).

Въ виду поздняго времени, въ 10 час. вечера мы распростились съ любезнымъ хозяиномъ и отправились почевать въ поселокъ товари- щества. Въ перетѣ съ небольшимъ отъ поселка находится скважина № 3. Осмотрѣть подробно эту вышку и произведенныя въ ней работы, въ виду поздняго времени, не представилось возможнымъ. Согласно дан- нымъ горнаго департамента, объ этой скважинѣ имѣются слѣдующія слѣдствія: „въ скважинѣ № 3 по рѣкѣ Чуть, пачатой буреніемъ въ ав- густѣ мѣсяцѣ 1912 г., въ концѣ сентября того же года съ глубины 71 сажени забила фонтанъ нефти съ водою вышнего до 15 саж., ко- торый билъ въ продолженіе 10 дней“. По слухамъ, онъ и по сіе время периодически дѣйствуетъ. Къ сожалѣнію, дебетъ нефти намъ неизвѣ- стень. При заложеніи этой скважины такъ же, какъ и скважинъ № 1 и 2, казна, видимо, прослѣдовала исключительно только научную цѣль для выясненія построенія антиклинала.

Возвратившись на предположенный постель, мы, долго разговари- вая между собою, дѣлались впечатлѣніями о видѣнномъ и строили предположенія о великомъ значеніи ухтенской нефти и о будущемъ расцвѣтѣ мѣстности р. Ухты вплоть до возникновенія здѣсь значитель- наго города.

Утромъ 17 марта погода была теплая. Небо было покрыто тяже- лыми темными тучами. Дулъ легкій вѣтерокъ, и съ сѣвера проглядыва- ли узенькая, одна замѣтная, полоска темнаго неба. Ожидали, что под- нимавшіяся вѣтеръ разгонитъ тучи, и немного подморозитъ. Въ сопрово- жденіи О. М. Клауса совѣщаніе отправилось осматривать казенную скважину № 1. Въ разстояніи 150 саж. отъ поселка, на серединѣ полу-

острова р. Ухты, на значительно возвышенной против береговъ мѣстности расположена казенная № 1 вышка. Работы на вышкѣ въ настоящее время прекращены, машины увезены, караулъ снятъ, и сама вышка покривилась, сдвинулась на бокъ и угрожаетъ даже паденіемъ. Двери вышки незаколочены и открыты. Вблизи дверей изъ-подъ вышки ручьемъ вытекаетъ вода съ темными пятнами. Все ложе, гдѣ протекаетъ вода, покрыто какою-то темною затвердѣвшею массою. Въ воздухѣ сильно пахнетъ нефтью. Войдя въ зданіе вышки, мы увидѣли лишь одну 1-ти дюймовую трубу, опущенную въ землю. Изъ трубы скважины, поднимающейся на поларшина надъ землею, слегка пѣбится, широкою массою обильно вытекала вода, которая, быстро падая на землю, образуетъ маленькій водонадъ. Проходя черезъ трубу и падающую воду, нефтяные газы производили впечатлѣніе закипающей воды и, быстро поднимаясь вверхъ, до вышнихъ 2-хъ футовъ, незамѣтно растворялись въ воздухѣ, наполняя его сильнымъ запахомъ нефти. Выходящая изъ трубы вода была очень холодна и весьма солона. Отъ поднесенной къ скважинѣ зажженной спички послѣдовалъ громкій взрывъ, и газы загорѣлись яркимъ волнующимся пламенемъ, красиво взлетающими вверхъ и безпрестанно колеблющимися разноцвѣтными огоньками. Поднимающиеся языки пламени достигали значительной высоты и по ширинѣ были больше діаметра трубы. Языки эти съ трудомъ были потушены находящимися здѣсь мокрыми тряпками. Падающая вода, увлекала за собой выдѣляющіеся изъ нея и горѣвшіе газы, производила впечатлѣніе миниатюрнаго огненно-водяного хаоса. Зрѣніе было эффектно и поразительно красное. Повторяя нѣсколько разъ свой опытъ, всегда неизмѣнно, совѣщаніе наблюдало одну и ту же картину: первоначально слѣдовалъ взрывъ, затѣмъ закипалъ газъ, и, наконецъ, озарилась разноцвѣтнымъ пламенемъ вода. Тушить горячіе газы каждый разъ приходилось съ трудомъ мокрыми тряпками. Изъ рассказовъ разныхъ лицъ выяснился одинъ характерный и интересный случай, происшедшій во время буренія на этой скважинѣ. Когда скважина была пробурена до 70 саж. глубины, и когда изъ нея стали выходить нефтяные газы, горѣвшіе при зажиганіи такъ же, какъ и въ настоящее время, яркимъ и продолжительнымъ пламенемъ, то рѣшили (по распоряженію инженера, наблюдающаго за работами) заколотить скважину пробкою-бревномъ. Когда же заколотили, то черезъ нѣкоторое время необыкновенной силой, скрытой въ нѣдрахъ земли, эту пробку-бревно вырвало и выкинуло черезъ крышу 10 саженой вышки. Пробка, описавъ дугу, упала къ ногамъ находящагося у вышки инженера. По дальнимъ инженеру В. П. Стукачева, эта скважина начата буреніемъ 1 февраля 1910 года и 23 мая того же года была окончена (въ теченіе 112 дней) на глубинѣ 150 саж. Въ виду отсутствія свѣта, буреніе въ теченіе 112 дней производилось не безостановочно, а съ большими промежутками и не больше 6 часовъ въ сутки. Такимъ образомъ, время буренія равняется $(112 \times 6) = 672$ рабочимъ часамъ, количество же пробуренной въ часъ скважины равно $\frac{1,500}{672} = 0,223$, при безостановочной же суточной работѣ составитъ $(24 \times 0,223) = 5,3$ сажени въ сутки. Подробные результаты работъ этой скважины слѣдующія:

на глубинѣ 10,5 с.—первое выдѣленіе газовъ и капель нефти.

— 17 саж.—сильное выдѣленіе газовъ и нефти.

— 27,7 с.—притокъ нефти увеличивается.

„ 26,7 с.—таргалиемъ получалось ежедневно отъ 28 до 35 пуд. нефти.

„ 38,57 с.—таргалиемъ получилось до 100 пуд. нефти въ сутки. Это количество нефти оставалось все время неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ газы во все время буренія до 200 саж. подошвы замѣтно усиливались. По мнѣнiю инженера Гансберга, скважина эта, согласно эскиза копирной книги, заложена на сбросѣ, а не на антиклинали.

В. А. Бѣлусовъ-Милорадовичъ.

(Окончанiе будетъ).

Среди медвѣдей

(Рассказъ изъ жизни въ зырянскомъ краѣ).

Окончанiе. См. № 15 „Извѣстiй“ за т. г.

III.

Когда все привезенныя на тылъ припасы были внесены въ избушку и сложены тамъ, Яковъ указалъ своимъ домашнимъ, а также Степану, прѣхавшему въ качествѣ поленщика, откуда начинать жатву, гдѣ ставить суслоны и, обращаясь къ Казанцеву, сказалъ:

— А ты, Василій Васильевичъ, можешь отправляться на охоту. Я тебѣ сейчасъ объявлю, гдѣ рябчиковое мѣсто. Отсюда надо идти все прямо и прямо—вотъ туда, на сѣверъ. Ну, пройдешь ты эдакъ персты полторы, минуешь маленькое болото, а за болотомъ начнешь соснякъ, ельникъ, береза, осина, нихта—все вперемежку. Тутъ и живутъ рябчики. Главное дѣло въ томъ, что тамъ растетъ много брусники и черники, а эти ягоды рябчики жрать любятъ. Кроме того, есть и рябца, а это тоже приманка для рябчика. Если ты будешь ходить осторожно, то всегда можно подстрѣлить эту птицу. Она чаще по землѣ бѣгаетъ, по надо глядѣть и вверху, потому что подъ вечеръ почти все рябчики на деревья садятся. Только слушай, Василій Васильевичъ,—добавилъ Яковъ:—не уходи слишкомъ далеко отъ того болота, а то заблудиться можешь. Тамъ дальше, можетъ быть, увидишь ты визирную просѣку, такъ если вдоль ея къ югу пойдешь, то въ ручей упруешься, а этотъ ручей мимо нашей тылы течетъ. Стоитъ спуститься по ручью, и ты здѣсь будешь. А иначе ты можешь уйти Богъ-вѣсть куда.

— По у меня комнасъ есть,—возразилъ учитель.

— Что комнасъ! Съ комнасомъ ты подлѣ самой тылы пройдешь и ея не замѣтишь, а просѣка и ручей тебя всегда къ нашей избушкѣ выведутъ. Помни это.

— Помню и не забуду, дяди Яковъ. Сначала просѣка, а потомъ ручей... потомъ ваши избушка! Такъ, такъ. Это запомнить не трудно.

— Да, вотъ еще что, Василій Васильевичъ. Если ты увидишь, что на деревѣ сидитъ много рябчиковъ, то стрѣлай сначала въ нижняго, а верхнихъ не тронь. Верхние все будутъ сидѣть, пока ихъ не испугнешь, а пальбы они не боятся. Такъ что ты можешь съ одного дерева снять нѣсколько рябчиковъ.

— Хорошо, хорошо. Спасибо за наставленіе,—ноблагодарить Казанцева и, вклинувъ на плечо ружье, пошагалъ въ ту сторону, куда ему указалъ Яковъ.

Черезъ полчаса ходьбы онъ уже миновалъ болото и вступилъ въ описанный вършиномъ смѣшанный лѣсъ, состоящій изъ сосны, ели, березы, осины и пихты. Подъ ногами закраснѣлась брусника, растущая, однако, не сплошномъ массомъ, а маленькими островками, окруженными тою же брусничною травою, но безъ ягодъ. Кое-гдѣ выглядывали желто-багровыя кисти рябины, служившей главною приманкою для рябчика при ловлѣ его силками позднею осенью. Тамъ и сямъ видѣлась черника, перезрѣвшая до такой степени, что до нея въ буквальномъ смыслѣ нельзя было дотронуться.

Едва Казанцевъ переправился черезъ болото, какъ изъ-подъ его ноги сорвались два рябчика и, громко хлопая крыльями, скрылись за ближайшими деревьями. Онъ взвелъ курокъ и, держа ружье въ правой рукѣ, пошелъ дальше. Почва сначала была мокрая, мягкая, почти вязкая, покрытая шатающимися подъ ногой кочками, но потомъ стало гораздо суше, въ особенности на пологихъ откосахъ лѣсныхъ уваловъ, гдѣ мѣстность приняла почти боровой характеръ.

Пройдя еще нѣсколько десятковъ сажень въ глубину лѣса, учитель увидѣлъ передъ собою протоптанную охотниками тропинку, а на тропинкѣ—четыре рябчиковъ, бѣгающихъ по ней взадъ и впередъ, при чемъ по своей осанкѣ и походкѣ (но не по размерамъ, конечно), они имѣли большое сходство съ домашними курами.

„А, голубчики!“—мысленно воскликнулъ онъ и, прицѣлившись, выстрѣлить...

Три рябчика взлетѣли на воздухъ и, прошумѣвъ надъ головою Казанцева, слѣли гдѣ-то неподалеку. Четвертый остался на мѣстѣ.

— Вотъ и первая добыча,—пробормоталъ обрадованный охотникъ, и, подобравъ убитую птицу, началъ неспѣшно заряжать ружье...

Почти до сумерекъ бродилъ онъ по лѣсу, оглашая воздухъ громомъ выстрѣловъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ черезъ самое непродолжительныя промежутки времени. Яковъ по напрасно хватался, что ужасеть ему „рябичковое мѣсто“. Получившіеся результаты превзошли все ожиданія молодого человека. Рябички чуть не на каждомъ шагу срывались изъ-подъ его ногъ, перелетали съ дерева на дерево, шмыгали въ кустахъ, прятались среди густыхъ косматыхъ вѣтвей елей и пихты, не забираясь, однако, на вершины, а стараясь перейти на противоположную отъ охотника сторону, гдѣ они безслѣдно исчезали, точно проваливались сквозь землю. Учитель палилъ направо и налево, сгоряча давая положительно непростительныя промахи, ругалъ самого себя за ротозѣйство, но, въ концѣ-концовъ, все таки набилъ до десятка штукъ этой невзрачной по внѣшнему виду, но цѣнной на сѣверѣ птицы, приносящей порядочный доходъ мѣстнымъ охотникамъ-зырянамъ.

— А теперь пора и на полегъ,—рѣшилъ Казанцевъ и, поглядѣвъ на компасъ, усталомъ походкою пошелъ по узенькой извилистой тропинкѣ, которая скоро привела его къ такъ-называемой визирной прѣсѣкѣ, послужившей ему указателемъ дальнѣйшаго направленія.

Въ лѣсу уже стало почти совсѣмъ темно, когда учитель явился на тылу къ избушкѣ, гдѣ его встрѣтили радостными возгласами. Яковъ

похваливъ его за добычливую охоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожурилъ за позднее возвращеніе, говоря, что „въ баню всегда надо приходиться за-свѣтло, чтобы не почевать гдѣ-нибудь подъ слочкой въ компаніи съ медвѣдями“.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, дядя Яковъ,—пошутилъ молодой человекъ, присаживаясь къ большому ярко пылающему костру, разложенному противъ дверей избышки.—Что же касается медвѣдей, то я не имѣю ни малѣйшаго желанія водить съ ними компанію.

— Я медвѣжьей слѣдь здѣсь, подлѣ самой тылы, видѣлъ,—сообщилъ Степанъ, выпуская изо-рта клубъ бѣлаго махорочнаго дыма.—Навѣрное, они въ прошлую ночь побывали: слѣдь совѣмъ свѣжій.

— Можетъ быть, они и въ нынѣшнюю ночь пожалуютъ сюда. Какъ вы думаете?—улыбаясь спросилъ Казанцевъ.

— Не смѣютъ. Вѣдь насъ такъ много,—спокойно отвѣтилъ Яковъ и началъ закладывать чай въ подвѣшенный надъ огнемъ большой мѣднѣный чайникъ, исполняющій роль походнаго самовара.

Чашникъ тянулось довольно долго, потому что большинство въряпъ ужасно любятъ этотъ напитокъ, и балуются имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Особенно усердствуютъ въ этомъ отношеніи бабы, выпивая иногда по 15 чашекъ и болѣе. Жена Якова, Марья, тоже была великая охотница до китайской травки и влила въ свою утробу солидное количество стакановъ. При этомъ она сначала разстегнула верхнюю кофту, потомъ сняла и бросила ее на траву, потомъ стащила платокъ съ головы, потомъ развязала поясъ и полуснустила съ плечь сарафанъ, потомъ хотѣла было скинуть съ ногъ коты и чулки, чтобы было не столь жарко, но Яковъ сердито закричалъ на нее:

— Дугды, баба! (Перестань, баба!) Лопнешь! Вѣдь, ты ужъ тридцать чашекъ выплопала!

— Только семнадцать... даже двадцати пѣтъ,—обиженно возразила Марья и, не снимая обуви, выпила еще нѣсколько стакановъ, при чемъ, конечно, во время такого запойнаго чашникъ приходилось неоднократно наполнять водой и подогрѣвать чайникъ.

Когда чашникъ было кончено, всѣ присутствующіе, кромѣ Казанцева, подкрѣпились ужинкомъ: съѣли громадный порокъ изъ соленой сайды (чери нянь), выхлебали чуть не полведра кислаго молока („пома свѣ“) и, помолвившись на востокъ, начали таскать въ избышку сложенное подъ навѣсомъ сѣно, которое должно было служить постелью.

Марья, почесывая надурнувшееся, какъ барабанъ, брюхо, влѣзла въ „баню“ первая, за нею послѣдовали ея сыновья Андрей и Иванъ, хранивъ которыхъ скоро огласилъ воздухъ, сопровождаемый время отъ времени другими, не совѣмъ гармоничными звуками.

Учитель, Яковъ и Степанъ остались посидѣть у огня, благо ночь стояла тихая и довольно теплая, да и время было еще не позднее, такъ что можно было лишній часокъ побалагурить на свободѣ.

— Курн, Василій Васильевичъ,—проговорилъ Степанъ, подавая учителю кيسетъ съ махоркой.—Или ты только пшеничный табачекъ употребляешь, а нашимъ горлодеромъ не пользуешься?

— Ничего, можно и махорку,—отвѣтилъ Казанцевъ и свернулъ „цигарку“, которую затѣмъ и раскурилъ вынутымъ изъ костра уголькомъ.

— Кто любить табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ, сосрился Степанъ.—И тоже люблю табакъ, значить, тоже хорошій мужикъ. И водку я съ тому же уважаю... не могу жить безъ водки...

— Ну, это плохо. Водки пить не слѣдуетъ.

— Почему не слѣдуетъ?

— Потому что водка приноситъ одинъ вредъ и больше ничего.

— Знаю, что вредъ, но за то водка—главная наша радость и веселье,—засмѣялся Степанъ.—Вѣдь, у насъ, мужиковъ, нѣтъ другой радости, кромѣ водки. Работаемъ мы, можно сказать, до полу смерти, ни днемъ, ни ночью покоя не знаемъ, какъ тутъ не выпить съ горько? А ежели какойнибудь понзъ насъ осудить, то пусть онъ сначала побьзаетъ въ мужичкой шкурѣ и ужъ тогда осуждаетъ!

— Ну, ты, Степанъ, не-таки выпиваешь, дрище, не съ гори, а просто ради плясета,—смѣялся въ разговоръ Яковъ, съ усмѣшкой глядя на своего двоюроднаго брата. Но если говорить правду, то нашему брату-зырянину нельзя обойтись безъ водки. Вѣдь мы такіе же люди, какъ всѣ прочіе. Вѣдь, и у насъ душа веселья просить. Не можна же мы, прости Господи. А развѣ у насъ есть какоенибудь другое веселье, кромѣ водки? Была у насъ когда-то чайная, а въ чайной ревіять граммофонъ, и показывали туманныя картины, но и чайную скоро закрыли: зачѣмъ-де зырянину чайная? Вотъ мы и пьемъ водку!

— И причиняете себѣ вредъ этою водкой,—стоялъ на своемъ учитель. —Всѣ доктора говорятъ, что водка при постоянномъ употребленіи отравляетъ человека. А если вамъ хочется веселиться, то можно подыскать какоенибудь трезвое веселье.

— Какое бы, папримѣръ?

— Мало-ли какое. Грамотные могли бы читать книги, а неграмотные слушать это чтеніе...

— Такъ, такъ, —онъ повторилъ Яковъ. Это и хорошо понимаю. Вонъ у насъ отецъ Иванъ, то же самое проповѣдуетъ... совѣтуетъ жить скромненько и трезвенно. А самъ коньяки съ гостями раскидываетъ, цѣлыя ночи за картами сидитъ, живеть получше некакого помѣщика. У него, говорятъ, въ банкѣ пять тысячъ лежить, а дома одной серебряной посуды на триста рублей есть, да и золота немало наберется. А онъ о скромности толкуетъ!

— У некакого есть свои слабости, активилъ Клищеня.

— Вотъ и у насъ тоже своя слабость, пить водку! подхватилъ Яковъ.—А на счетъ книжнаго чтенія я тебѣ скажу, что книжка не всегда для насъ ездружна, да и много-ли мы поймемъ изъ книжекъ, если намъ не объяснять ей, какъ слѣдуетъ?

— Что же, можно и объяснить. Папримѣръ, я съ удовольствіемъ бы постарался.

— То-ты, а то—другіе. Про тебя, Василій Васильевичъ, никто худого слова не скажетъ. Ты не брезгуешь нашимъ братомъ, простыми зырянами: руку знакомымъ мужикамъ подаешь, письма неграмотнымъ бабамъ пишешь, разговариваешь съ крестьянами, какъ съ равными, даже недоучившихся городскихъ учениковъ, помню школы, къ экзаменамъ подготавливаешь. А вотъ была здѣсь до тебя одна учительница, такъ она съ нами и говорить не хотѣла. Пришелъ я однажды въ училище, книгу въ школьной библиотекѣ перемѣнить, стою въ коридорѣ, а она, слышно, съ кѣмъ-то такъ громко разговариваетъ и кричитъ: „Подошли мнѣ эти противные зыряне! Безирестанно за книгами

дѣзуть! Точно понимаютъ что-нибудь въ чтеніи!.. Такъ и сказала: противныя зыряне!—повторилъ Яковъ, и въ голосъ его прозвучало раздраженіе.—А, вѣдь, сама тоже зырянка, настоящая коренная зырянка, даже не поповна и не дякоповна, а дочь бѣднаго мужика зырянина, который еще и теперь ходитъ на уральскіе заводы дрова рубить!

— Удивительно!—пожалъ плечами учитель, не зная, что сказать на такія слова своего собесѣдника.

— И ничего тутъ быть удивительнаго,—продолжалъ Яковъ, замѣтно волнуясь.—Просто зазналась дѣвка, что изъ простонародья въ учительницы попала, навязала на голову шляпу съ перьями, понашла узкихъ юбокъ, которая на самоварную трубу похожа, надѣла на ноги красныя туфельки и думаетъ, что она Богъ знаетъ какая барышня! А если бы не земская стипендія, которую ей по крестьянскому приговору дали, то была бы она такою же деревенской дѣвкой, какъ всѣ прочія, и, навѣрное, не сказала бы про насъ, что мы—противныя зыряне!

Воцарилось продолжительное молчаніе. Яковъ, видимо, былъ взволнованъ не на шутку и, сердито соизъ посомъ, крутилъ цыгарку. Степанъ тоже хмурился, заразившись настроеніемъ Якова. Казанцевъ глядѣлъ на огонь и съ оттѣнкомъ грусти думалъ о томъ, что между зырянскою интеллигенціей и зырянами, дѣйствительно, лежитъ почти непреходимая пропасть. Онъ зналъ многихъ учителей и учительницъ—мѣстныхъ уроженцевъ, которые были, безусловно, хорошіе и либерально настроенные люди, любили потолковать о благодѣйствіи пародномъ, проявляли много гражданской доблести въ разговорахъ на тему о положеніи родной деревни, но чуть дѣло касалось непосредственнаго соприкосновенія съ „мужикомъ“, какъ тѣ же „либералы“ принимали снисходительно—небрежный тонъ высшаго къ низшему, читали правдивыя сентенціи, смѣялись надъ мужицкою „дикостью“ и, въ лучшемъ случаѣ, давали деликатно поить, что они интеллигенты—особь статья, а крестьяне тоже особь статья!..

Размысленія Казанцева были прерваны какими-то странными глухими звуками, слышавшимися въ глубинахъ лѣса. Казалось, что гдѣ-то въ отдаленіи затрубили въ тысячу басистыхъ трубъ, производившихъ непрерывный гулъ, который то стихалъ, то опять усиливался..

Яковъ вкочилъ съ мѣста. На лицѣ его была написана тревога. Изъ рукъ выпала недокуренная цыгарка.

— Ошьясь! Ошьясь! (Медвѣди! Медвѣди!)—прошепталъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Пеужели это медвѣжьи свадьбы, про которыя мой отецъ рассказывалъ? Вѣдь, завтра Семеновъ день... Бѣда будетъ, если они набѣжатъ на нашу тылу... Надо будетъ, все-таки, приготовиться на всякій случай!..

Онъ быстро влѣзъ въ избушку и началъ будить жену и сыновей, говоря:

— Вставайте, вставайте! Медвѣди идутъ!

Черезъ минуту уже всѣ были на ногахъ, потому что слово „ошьясь“ (медвѣдь) произвело на Марью и ея дѣтей ошеломляющее впечатлѣніе.

IV.

Красно-багровое пламя костра ярко озаряло стѣны „бани“, часть подѣснаго поля съ выросшими въ теченіе дня суелонами и солошную

массу дѣса, охватывающаго тылу со всѣхъ сторонъ. Подъ огни бѣлѣло, какъ днемъ, но въ десяти шагахъ отъ него уже дожилились на землю черныя, колеблющіяся тѣни, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ становились гуще и длиннѣе, а еще дальше все тонѣло въ глубокой бархатной темнотѣ бездушной осенней ночи, окутанной зырянскіе дѣса туманъ покровомъ.

Тишина кругомъ стояла невозмутимая. Вторѣ съ вечера стихъ и воздуха былъ совершенно неподвиженъ. Только слышно было, какъ за избушкой, подъ навѣсомъ, переступали съ ноги на ногу лошади и мирно жевали сѣно, да еще продолжали долетать издали тѣ страшные глухіе звуки, которые Яковъ принялъ за ревъ медвѣдей.

— Госноди, да неужели это всаправду медвѣди?—дрожащимъ голосомъ спрашивала Марья, переводя глаза то на одного, то на другого.

— Сходи туда, гдѣ они собрались, такъ узнаешь!—сердито крикнулъ на нее Яковъ.—Ты думаешь, что я не слыхалъ никогда медвѣжьего голоса? Это, матушка, не просто медвѣди... это—странно много медвѣдей, это—медвѣжьи свадьбы, а съ медвѣжьи свадьбы шутить нельзя!

— Что же мы будемъ дѣлать теперь?—спросилъ учитель, заражаясь общимъ тревожащимъ настроеніемъ.

— Огня надо побольше разложить,—предложилъ Степанъ.—Огня побольше! Диво поскорѣе лошадей запрячь и домой ѣхать...

— Такъ ты и уѣхалъ домой въ такую темную ночь!—перетрапиль его Яковъ.—Вѣдь, мы не по тракту покатимъ, а по лѣсной дорогѣ! Только дураки побѣжать отъ медвѣдей въ ночное время. Пѣть, это не годится. А вотъ объ огнѣ, пожалуй, стоитъ подумать.

Совѣщаніе у нихъ тянулось недолго. Когда-то и кто-то испыталъ, что медвѣди сильно боятся огня. Пѣкоторые охотники даже увѣрили, что стоитъ только при встрѣчѣ съ медвѣдемъ чиркнуть спичку, какъ звѣрь безъ оглядки убѣгаетъ. Въ виду этого было рѣшено устроить вокругъ избышки валь изъ сухого валежника и хвой, а когда—чего Боже сохрани!—набѣжать медвѣди, то валь этотъ зажечь и скрыться въ огненномъ кольцѣ, куда ужъ медвѣди ни за что не съунутся. Въ сущности никто съ достовѣрностью не зналъ, такъ ли бываетъ въ дѣйствительности, но, за неимѣніемъ лучшаго, плыль этотъ все одобрили и дружно принялись за работу.

На тылѣ и вокругъ тыла валялось немалое количество крупныхъ и мелкихъ полуобгорѣлыхъ деревьевъ, оставшихся отъ подебничьяго костровъ, кромѣ того, было много обыкновеннаго валежника, гнилаго или сохнушаго, смотря по принятому при паденіи положенію,—все это начали таскать къ „валѣ“, окружая ее спасительнымъ „валомъ“. придуманномъ на общемъ совѣтѣ. Марья носила снопы съ поля и складывала ихъ въ кучу около избышки. Тутъ же валили паломанную въ лѣсу хвою, которая, вмѣстѣ съ соломой, должна была оставаться въ запасъ на тотъ случай, если „валь“ прогоритъ, и нищи огню не будетъ. Лошади были тоже не оставлены безъ вниманія. Ихъ крѣпко привязали къ столбамъ навѣса, огородили жердями и, словомъ, приняли все мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ приближенія звѣрей, испугавшіеся животные не вырвались бы на волю, гдѣ они могли попасть въ лапы медвѣдей. Въ заключеніе насовали въ приготовленный для заживанія „валъ“ побольше бересты и наколотыхъ тоноромъ тоненькихъ лучинообразныхъ смолистыхъ полѣньевъ, чѣмъ все предварительныя приготовленія были кончены.

— А, вѣдь, медвѣдой не стало слышно!—радостно сообщилъ Степанъ, прислушавшись къ налившей кругомъ тишинѣ.

Дѣйствительно, доносившіеся издалека глухіе баскетые звуки мало-по-малу смолкли, что было немедленно замѣчено всѣми, такъ какъ, возясь съ валежникомъ и хвоей, никто въ то же время не забывалъ ловить краемъ уха всякій шумъ и шорохъ, долетавшіе изъ глубины лѣса.

— Они, вѣроятно, сторопой прошли,—высказалъ предположеніе учитель, облегченно вздыхая.—А, все-таки, было бы интересно поглядѣть на медвѣжьи свадьбы... хотя и опасно, но интересно. Честное слово.

— Пока еще рано радоваться,—предупредилъ остальныхъ Яковъ.— Они въ такую пору по всѣмъ лѣсамъ рыскаютъ, только къ деревнямъ не подходятъ. Могутъ и сюда набѣжать... если не сойчасъ, то послѣ...

— Енэй пидзь! (Боже сохрани!)—съ живостью воскликнула Марья, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Молись, баба, чтобы они не набѣжали, а если набѣжатъ, то бѣда. Это не лѣтніе медвѣди. Лѣтомъ они за версту къ человѣку не подходятъ, а теперь имъ все шипочемъ. Кто знаетъ, поможетъ ли намъ огонь?

— Куда же мы двасемя, если они перепрыгнуть черезъ огонь?—спросилъ Казанцевъ.

— Въ баню запремся. Баня у насъ крѣпкая, потолокъ въ шпунтъ устроенъ, его не сразу разворотить. Дверь тоже неплохая. Придется въ банѣ отсиживаться.

— А если они разворочаютъ баню, что тогда?

— Тогда? Ну, тогда поборемся съ ними, увидимъ ихнюю медвѣжью силу,—тономъ шутки отвѣтилъ Яковъ, но никто даже не улыбнулся на его слова, потому что всѣмъ было не до шутокъ.

Медленно тянулось время. Тишина въ лѣсу ничѣмъ не нарушалась. Всѣмъ хотѣлось надѣяться, что медвѣди „прошли стороною“, но никому не удавалось убѣдить себя въ этомъ. Нервы у всѣхъ были напряжены до крайности. У Марьи даже заболѣлъ животъ съ извѣстными послѣдствіями этой болѣзни, что окончательно разстроило бѣдную жепцину, припущенную часто удаляться за пазушку, гдѣ ей за каждымъ кустомъ мерещились медвѣди...

Такъ прошло около часу. Учителю уже стало казаться, что всякая опасность миновала, и онъ съ чувствомъ нѣкотораго разочарованія думалъ о томъ, что ему такъ и не удалось поглядѣть на „медвѣжьи свадьбы“. Эти „свадьбы“ физиологически объяснялись весьма простыми и естественными причинами, хорошо извѣстными Казанцеву, но, несмотря на свой научный скептицизмъ, онъ ожидалъ увидѣть не просто лѣсныхъ чудовищъ, а какія-то чудеса въ рѣшеть, полныя увлекательной таинственности...

Яковъ тоже, какъ будто, пересталъ ждать косматыхъ гостей и, сиди на короткаяхъ передъ огнемъ, рассказывалъ о томъ предѣ, какой прикосеть медвѣди мѣстному населенію.

— Много они намъ досаждаютъ,—говорилъ онъ.—Вонъ прошлымъ годомъ въ одномъ нашемъ селѣ задавили семь коровъ. Чуть корова спочуетъ въ лѣсу, такъ и считай ее пропащей. А пастуховъ мы не держимъ, никто не мѣшаетъ этимъ стервамъ лакомиться свѣжимъ мясомъ. Выбаветь, что и лошадей давить, а объ овцахъ и говорить нечего: цѣлыми десятками подбечиваемся ихъ подъ осень. Пробо-

вали было наши охотники ловить медвѣдя, да куда имъ съ медвѣдемъ тигаться. Только себя осрамили, а пользы не получили.

— Какъ это себя осрамили?—спросилъ учитель.

— Извѣстно какъ: со страху глупостей натворили. Дѣло это такъ было. Задавилъ медвѣдь корову у Максима Тырмасова. Максимъ на другой же день нашелъ ее мертвою въ лѣсу, совсѣмъ близко отъ пансиона, содралъ съ нея шкуру, принесъ домой и говоритъ сосѣдямъ: „Пойдемте, ребята, медвѣдя ловить. Надо убить его, проклятаго, а то онъ весь скотъ перепортитъ“. А сосѣди затылки чешутъ: „Пожалуй, оно того... стоило бы попробовать. Только какъ мы будемъ ловить эту гадину?“—„Какъ? Да очень просто. Онъ непременно нынче ночью придетъ доѣдать мою корову. Вотъ мы и сдѣлаемъ тутъ лабазъ на деревѣ, заслѣдемъ на него съ вечера и будемъ ждать. А когда онъ подойдетъ къ коровѣ, тогда мы и начнемъ въ него палить. Авое и убьемъ его, проклятаго“.—„Ладно, говорить, пойдемъ. Мы отъ такого дѣла не прочь“.—Ну, собрались этакъ пять человѣкъ, зарядили ружья пулями и отправились въ лѣсъ. Тамъ, подлѣ ободранной коровыей туши, они лабазъ на большомъ деревѣ устроили, крѣпко-накрѣпко перевязали его вицами, перекрестились и сѣли ждать звѣря. Днемъ имъ было совсѣмъ нестрашно, а какъ подошла ночь, стали у нихъ на сердцѣхъ кошки скресть. Ночь была такая же темная, какъ теперь, по лѣсу вѣтеръ шумитъ, гдѣ-то филинъ ухасть, совсѣмъ растерялись наши охотники, прикались другъ къ другу, дрожать, перешептываются. Николаю Угодника поминають. Только вдругъ слышатъ они: идетъ кто-то по лѣсу, тяжело ступаетъ, шхтатъ, фыркаетъ... Тутъ ужъ ихъ совсѣмъ пзъ ума выкинуло. Забыли они про свои ружья, завонили благимъ матомъ: „Эй локъ тѣтче, стѣрво! Эй локъ тѣтче!“ (Не подходи сюда, стерва! Не подходи сюда!) Начали со страху выше на дерево лѣзть. Двое оборвались и полетѣли внизъ, а остальные все еще кричатъ: „Эй локъ тѣтче! Эй локъ тѣтче!“ Говорятъ, что самъ Максимъ даже „караулъ“ заорать... А тутъ, вдругъ, вмѣсто медвѣдя, лошадь заржала, самая настоящая лошадь, ей-Богу! Оказалось, что это была попова кобыла, по лѣсамъ она всегда бродила, а охотники ее за медвѣдя приняли... Ужъ и посмѣялись же потомъ надъ ними—страсть! Положимъ, они молчали сначала о такомъ конфузѣ, но при первой же выливкѣ разболтались, и вся деревня узнала про ихнюю храбрость...

— Развѣ можно умолчать про такое замѣчательное событіе?—засмѣялся Казалцевъ.—Однако, какъ времена мѣняются. Вѣдь, въ старину зыряне считались первыми охотниками, никакого звѣря не боялись. А тутъ, вдругъ, такая трусость.

— Старинные зыряне были не намъ чета,—съ какою-то гордостью промолвилъ Яковъ.—Они въ одиночку на медвѣдя ходили, множество лисицъ и куницъ ловили, на всю Мосюву пушной товаръ поставляли. Это и читалъ въ какой-то книжкѣ, которую изъ нашей школы бралъ.

— Ахъ, кетати,—воскликнулъ учитель, роясь въ бокономъ карманѣ.—У меня есть одно стихотвореніе про зырянь. Палисалъ его то же зырянинъ, живущій на Вычегдѣ. Хотите сейчасъ прочтаетъ?

— Читай, читай. Послушаемъ. Вѣдь, нынѣшнюю ночь намъ совершенно не услыть. Мы тоже, кажется, сдѣлались такими же храбрыми, какъ Максимъ Тырмасовъ съ товарищами. Не хватаетъ только поповой кобылы...

— Такъ вотъ, слушайте,—сказалъ Казанцевъ и, развернувъ маленькiй листокъ бумаги, началъ читать:

Зырянскому народу.

Мой родимый народъ, мой зырянскiй народъ,

Много гори ты выпесъ на плечахъ своихъ,
Много ты претерпѣлъ всевозможныхъ невгодъ,
Много видѣлъ и пережилъ бѣдствiй лихихъ!

Въ стародавнiе годы заброшенъ ты былъ
Роковою судьбою на сѣверъ глухой,
Гдѣ безбрежный, дремучiй, сѣдой лѣсъ царилъ,
Гдѣ нанюсъ ты прiютъ неуютный такой.

Тамъ, въ угрюмыхъ тайгахъ и дремахъ лѣсныхъ,
Ты животную жизнь полузвѣри влачилъ;
Тамъ не зналъ ты утѣхъ, наслажденiй земныхъ,
Но видалъ ничего, чѣмъ бы счастливъ ты былъ.

Тамъ ты скудную пищу себѣ добывалъ
Неосильнымъ, тяжелымъ, ужаснымъ трудомъ,
Но всегда—каждый день, каждый часъ—голодалъ
И опутанъ былъ цѣпью страданiй кругомъ.

Тамъ зима, точно врагъ, изводила тебя
Лютой служей, снѣгами и влагою злой;

Но привыкъ ты терпѣть, углубившись въ себя,
И терпѣлъ, уже свыкнувшись съ долей такой!..

Мой родимый народъ, мой зырянскiй народъ,
Жизнь твоя протекла въ вѣковъчпой нуждѣ,
Ты не зналъ ничего, кромѣ лютыхъ невгодъ,
И встрѣчалъ одну злобу всегда и вездѣ.

Жилъ въ язвическихъ ты много, много годовъ,
Чтилъ усердно зырянскихъ кумировъ своихъ.
Видѣлъ Нама-жреца, властелина лѣсовъ,
Видѣлъ грозный приходъ чужоземцевъ лихихъ!..

Всѣ давили тебя, кто какъ могъ и умѣлъ.
Обирали тебя полновластной рукою,
Только въ добрыхъ дѣлахъ средѣ тебя преуспѣлъ
Милосердный Стефанъ, благовѣстникъ святой!..

Но прошли времена, миновали вѣка,
И смягчились сердца у жестокихъ людей:
Снова правда возстала свѣтла, высока—
И невольны враги превратились въ друзей!..

Пусть нескрѣнна дружба у бывшихъ враговъ,
Пусть презрѣнъ онъ родъ зырянскiй клеймятъ,
Но на всемъ протяженiи долгихъ вѣковъ
Ты духовною мощью своей былъ богать;

Ты горнило страданiй пронесъ и воскресъ—
И стоны свои смѣло направилъ впередъ!..

Возсияло тебѣ солнце правды съ небесъ,
Мой родимый народъ, мой зырянскiй народъ!

Учитель кончилъ чтенiе и поглядѣлъ на своихъ слушателей, желая узнать произведенное на нихъ впечатлѣнiе. Стоявшiе съ скучающимъ видомъ ковыряли въ носу, ни мало, повидимому, не интересуясь прочитаннымъ стихотворенiемъ. Марья и ея сiновья тоже были совер-

шенно равнодушны къ зырянской поэзіи, являющейся для нихъ пустымъ звукомъ, что же касается Якова, то онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, одобрительно кивалъ головой и бормоталъ:

— Такъ, такъ! Вѣрно, вѣрно! Это я все понимаю...

— Что, нравится тебѣ, дядя Яковъ?—спросилъ его учитель, свертывая и кладя въ карманъ бумажку съ стихотвореніемъ.

— Хорошо написано!—съ убѣжденіемъ промолвилъ Яковъ.—Въ старину зыряне взаправду такъ жили... на звѣриномъ положеніи. А нынче, слава Богу, все-таки, лучше стало...

Вдругъ голосъ его оборвался. Глаза его испуганно расширились. Онъ весь встрепенулся и, точно подброшенный тугою пружиною, вскочилъ съ мѣста.

— Идутъ, идутъ... медвѣди идутъ! Прямо сюда идутъ... Тсс! Тише!

Настала томительная минута мертваго молчанія. Не одна душа ушла въ пятки.

V.

Медвѣди не прошли стороною, какъ того всѣ горячо желали.

Въ наступившей гробовой тишинѣ слышно стало, какъ загудѣли вдалекѣ тѣ же глухіе басистые звуки, которые произвели такой переполохъ часа три назадъ.

Марья, крестясь, бормотала, что Богъ не допуститъ „лѣсныхъ космачей“ до тылы, по Яковъ зловѣщимъ тономъ заявилъ, что „медвѣди едва ли минуютъ подсѣку.“

Всѣ стояли вокругъ костра блѣдые, взволнованные, трепещущіе. У Степана замѣтно дрожали губы, когда онъ пронахаль унавшимъ голосомъ:

— Ну, и попали же мы въ капканъ, братцы! Куда мы теперь дѣваемся, а?

Овисъ мѣняъ дѣмой! (Кончилась паша жизнь!)—всхлипывала Марья, положительно трясясь, какъ въ лихорадкѣ.

Ты, баба, ступай въ баню и сиди тамъ, а здѣсь ты только мѣшай будешь,—сказалъ женѣ Яковъ и, толкнувъ ее къ дверямъ избушки, съ минуту стоялъ неподвижно на мѣстѣ и слушалъ.

Шумъ въ дѣсу становился ближе и явственнѣе. Казалось, что въ кромѣшней темнотѣ ночи надвигалось на тылу какое-то страшное тысячеголовое чудовище, ревущее и воющее на всѣ голоса. Пока еще нельзя было разобрать отдѣльныхъ звуковъ, по въ общемъ нестройномъ протяжно-раскатистомъ гулѣ слышалось что-то стихійно-грозное и зловѣщее.

— Это они вдоль ручья бѣгутъ... скоро здѣсь будутъ,—хриплымъ шепотомъ проговорилъ Яковъ.—Ну, теперь все наше спасеніе въ огнѣ. Зажигайте скорѣе валежникъ, подпаливайте бересто! Степанъ, Иванъ, Андрей, Василій Васильевичъ! Живо валежникъ поджигайте! Живо пошевеливайтесь, ребята!

Онъ быстро нагнулся къ костру, выхватилъ изъ него пылающую головню и бросился къ разложенному въ видѣ вала сушняку, окружающему избушку просторнымъ кольцомъ.

Зашипѣло, закорчилось насованное тамъ и сямъ бересто, подожгаемое Яковымъ, затрещали сухіе сучья, задымилась смолистая часть притащенныхъ съ подсѣки толстыхъ, вывороченныхъ съ корнями пней, заверещала шумливая хвоя, и узенькіе длинныя языки пламени за-

сверкали въ разныхъ мѣстахъ, переплетаясь, соединяясь другъ съ другомъ и распространяя вокругъ себя густые клубы ѣдкаго удушливаго дыма...

Остальные начали дѣлать то же самое, и скоро приземистая лѣсная „бани“ очутилась въ огненномъ кольцѣ, разгорающемся все ярче и ярче...

„Господи, вотъ приключеніе!—думалъ учитель, работая вмѣстѣ съ другими.—Неужели намъ въ самомъ дѣлѣ придется познакомиться съ козосалами? Да это чище всякаго майрицдовакаго измысленія!“

— Подходить... близко уже!—крикнулъ Яковъ, кончая возню съ огнемъ.—Становитесь все къ дверямъ бани! Кто знаетъ, задержитъ ли ихъ пламя. Можетъ быть, въ банѣ спастись придется.

Все сбѣжались къ избушкѣ, пугливо поглядывая въ ту сторону, откуда надвигались на тылу „медвѣжьи свадьбы“. Лошади тревожно зафыркали, затоптались подъ навѣсомъ, почувявъ незваныхъ гостей. Добрыя животныя понимали, какая страшная опасность угрожаетъ имъ, и старались вырваться изъ своего заключенія. Но веревки и жерди крѣпко держали ихъ на мѣстѣ.

Свѣтъ огненного кольца ярко озарилъ мѣстность вокругъ „бани“, давая возможность видѣть со всехъ сторонъ высокія, уходящія въ небо стѣны хвойнаго лѣса, на опушкѣ котораго вдрутъ замелькали какія-то неясныя тѣни, сопровождая свое появленіе сильнымъ шумомъ и трескомъ валежника.

— Ошгъ! Ошгъ! (Медвѣдь! Медвѣдь!)—завопила выглядывающая изъ избушки Марья и, обезумѣвъ отъ страха, полѣзла въ печку-каменку, гдѣ и застряла на половникѣ, потому что ея толстое брюхо было гораздо обширнѣе печного отверстия...

Оглушительный яростный ревъ потрясъ воздухъ. Множество огромныхъ неповоротливыхъ фигуръ отдѣлилось отъ погруженнаго въ темноту лѣса и выступило на озаренное кострами пространство. Движенія ихъ были тяжеловѣсны, но проворны. Глаза блестѣли, какъ угольки, когда они повертывались къ огню и поднимали къверху свои туши морды. Сначала они съ шумнымъ оживленіемъ выскочили на тылу, но при видѣ огненнаго круга остановились и стали обнюхивать воздухъ, смѣшавшись въ одну общую кучу...

— Какъ ихъ много! Какъ много!—шелталъ Яковъ, зорко слѣдя за движеніями медвѣдей. А тамъ еще другіе выбѣгаютъ... еще и еще... Господи, спаси и помилуй! Да имъ, кажется, конца не будетъ: смотрите, еще выбѣгаютъ!

Медвѣдей было, дѣйствительно, невѣроятно много. Огненная окрестность то яростнымъ ревомъ, то какимъ-то ласкающимъ урчаніемъ, они черными громадными шарами выкатывались изъ лѣса и останавливались въ недоумѣніи передъ огнемъ, ослѣпляющимъ имъ глаза посля темноты. Къ огню они не смѣли приближаться, пугаясь дыма и искръ, сыпавшихся въ высоту сумрачнаго неба. Но это происходило недолго. Нерѣшительность скоро исчезла. Косматые пустышники лѣсовъ замѣтили за чертою огня людей и лошадей и стали подходить ближе. Ревъ ихъ перешелъ въ какой-то громоподобный гулъ, отъ котораго стоявшія подъ навѣсомъ лошади положительно обезумѣли. Послышались отчаянная толкотня и брыканье бѣдныхъ животныхъ, треснули подломившіяся подъ ихъ напоромъ жерди, поводья были порваны, какъ тоненькія шпички, и освободившіеся отъ путъ кони бѣшено ринулись въ обра-

званнѣйшійся проходъ. Никто не успѣлъ глазомъ моргнуть, какъ всѣ три лошади съ распущенными хвостами, дѣлая огромные прыжки, перемаяли черезъ огонь и исчезли въ темнотѣ, бросившись въ ту сторону, гдѣ не было медвѣдей.

— Держи, держи!—закричали Яковъ и Степанъ, но держать лошадей было уже поздно, да ихъ никто и не пытался остановить, потому что сдѣлать это было физически невозможно.

— Ну, пропали наши кони!—съ отчаяніемъ махнулъ рукой Яковъ, видя, какъ передніе медвѣди съ удивительною для ихъ громоздкихъ фигуръ рѣзвостію и быстротою устремились въ догонку за лошадьми. топотъ и фырканы которыхъ замирали въ отдаленіи.

— Они, кажется, попали на дорогу, по которой мы прѣехали,—промолвилъ Степанъ.—А если попали, то могутъ еще спастись отъ проклятыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—поддержалъ говорившаго Казанцевъ.—Ты, дядя Яковъ, напрасно беспокоишься. Лошади могутъ усекаать по дороге... и медвѣдей за собой увести...

Яковъ вздохнулъ и сказалъ;

— Богъ съ ними и съ лошадьми, лишь бы намъ самимъ живымъ выбраться отсюда. Теперь медвѣди люты, какъ никогда, того и гляди, что перепрыгнуть черезъ огонь. Но всѣ они за лошадьми убѣжали, осталось и на нашу долю не мало.

— Такъ это и есть медвѣжьи свадьбы?—спросилъ учитель.

— Это и есть. Видишь, какъ они другъ за другомъ бѣгаютъ... тамъ уже драка пошла... Смотрите, смотрите!

Всѣ съ жуткимъ любопытствомъ стали глядѣть на оставшихся на тылѣ звѣрей, число которыхъ было все еще очень велико. Медвѣди, повидимому, были крайне удивлены и раздражены огненнымъ кругомъ, встрѣтившимся на ихъ „свадебномъ пути“. Нѣкоторые изъ нихъ съ злобнымъ рычаніемъ подходили къ кострамъ и обнюхивали воздухъ, чую человѣческой запахъ. Но большинство ихъ скоро освоилось съ лѣною палюмпанадѣй и закружились по подѣлкѣ, толкая и перегоня другъ друга. Слышалось ласковое урчанье и какіе-то особенные звуки, похожіе на хрюканье. Ясно было, что косматые „цари сѣверныхъ лѣсовъ“ находились въ томъ періодѣ любовнаго возбужденія, которое охотники весьма характерно прозвали „медвѣжьими свадьбами“. Впрочемъ, мирныя отношенія между „косовальными“ тянулись недолго. Два медвѣдя, по увѣренію Степана—самцы, затѣяли драку, въ которой съ готовностію присоединились нѣсколько ихъ товарищей, нарушивъ этимъ картину „звѣринаго благодушія“...

— Чтوبъ вамъ, проклятымъ, зарыязть другъ друга!—пробурчала Яковъ, не надѣясь, однако, что его пожеланіе исполнится.—А то привязались къ намъ и не уходятъ... Тьфу!

— Они еще не сразу уйдутъ,—замѣтилъ Степанъ.—Видишь, опять помирились и забѣжали по тылѣ. Отъ нихъ скоро не отвяжешься.

— Оказывается, они и очка не боятся,—сказалъ Казанцевъ.—А охотники между тѣмъ толкуютъ, что стоять лишь при встрѣчѣ съ медвѣдемъ чиркнуть спичку, какъ звѣрь безъ оглядки убѣгаетъ.

— Можотъ быть, и убѣгаетъ въ другое время, а теперь медвѣдь ничего не боится,—промолвилъ Яковъ.—Видишь, какіе они смѣлые: совсѣмъ близко къ огню подходятъ.

Драка среди звѣрей прекратилась, и они опять закружились по подѣвчому полю, дѣлая узорительные прыжки и часто поднимаясь на дыбы, при чемъ Степанъ и Яковъ объяснили, что это влюбленные медвѣди ухаживаютъ за медвѣдицами и забавляютъ ихъ. Учитель не сталъ имъ возражать, потому что не могъ отличить самцовъ отъ самокъ и, слѣдовательно, не имѣлъ возможности провѣрить слова говорившихъ. Нѣкоторые медвѣди, время отъ времени, тяжелою неторопливою поступью обходили вокругъ огненного кольца и, сердито поглядывая на столпившихся у дверей избушки людей, готовыхъ каждую минуту скрыться въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, какимъ для нихъ являлась „баня“. Илами, все таки, пугало звѣрей по крайней мѣрѣ настолько, что они не отваживались прыгать черезъ костры, жаръ отъ которыхъ чувствовался на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. И это препятствіе, повидимому, злило и дразнило косматыхъ обитателей зырянскихъ лѣсовъ.

— Да это настоящая осада!—воскликнуть Казанцевъ, видя, что медвѣди и не думали удалиться съ тылы.—Интересно, чѣмъ это кончится? Неужели они хотятъ взять насъ заморомъ?

— Мой дѣдъ просидѣлъ цѣлую ночь на деревѣ, когда встрѣтился съ медвѣжьими свадьбами,—сказалъ Яковъ.—Значитъ, и намъ тоже придется здѣсь сидѣть до ихняго ухода...

Между тѣмъ время шло. Осажденные переживали страшныя минуты. Костры пылали уже не столь ярко, но никто не смѣлъ сдѣлать шагу отъ избушки, чтобы подбросить въ огонь хвоя или соломы: медвѣди обступили огненный кругъ со всѣхъ сторонъ, и было рискованно удалиться отъ дверей „бани“. Помощеніе было отчаянное. Надежды на благополучный исходъ не предвидѣлось. Особенно всѣхъ поразили слова Степана, который, обладая зоркимъ зрѣніемъ, подсчиталъ общее количество собравшихся на подѣвкѣ медвѣдей и сказалъ, что ихъ не менѣе двадцати штукъ!

— Ой, кула, кула, кула (Ой, умру, умру, умру)!—застонала Марья въ избушкѣ, услышавъ такое страшное сообщеніе.

— Неужели не менѣе двадцати?—спросилъ учитель, чувствуя, какъ у него мурашки забѣгали по кожѣ.

— Пожалуй, даже слишкомъ. Я еще могъ пропустить двухъ или трехъ. А двадцать все таки есть.

— Кто бы могъ подумать, что въ нашихъ зырянскихъ лѣсахъ плясаетъ столько этихъ гадинокъ!—развелъ руками Яковъ.—И угораздилось же намъ попасть на ихня свадьбу! Какъ бы они, въ самомъ дѣлѣ, не вздумали прыгать черезъ огонь...

— Да, теперь надо глядѣть въ оба.—согласился Казанцевъ, чувствуя нервную дрожь во всемъ тѣлѣ.

Прошло еще немного времени. Медвѣди продолжали бродить вокругъ костровъ, упрямно не уходя съ подѣвки. Ухаживаніе самцовъ за самками не прекращалось. Миръ между ними не нарушался. Но вдругъ изъ лѣсу, какъ бомба, вылетѣлъ громадный, страшнаго вида медвѣдь, съ широко разинутою пастью, весь грязный, всклокоченный, дивный, и съ яростнымъ ревомъ устремился на своихъ собратьевъ, занимающихся „любовными играми“. Вѣроятно, это былъ бобыль-одиночка, отвергнутый звѣринымъ обществомъ, за что онъ теперь и вымѣщалъ на „коллегахъ“ свою злобу... Произошла жестокая свалка. Великаго медвѣдя подмялъ нога себя другого, болѣе слабаго медвѣдя, но осталь-

ные дружно набросились на него и пустили въ ходъ зубы, когти... Только ключья полетѣли по всѣ стороны! Запальчивый пришелецъ вынужденъ былъ, вмѣсто нападенія, защищаться и, прижатый къ костру, перепрыгнувъ черезъ огонь, очутившись на срединѣ снасительнаго круга. Прочіе послѣдовали его примѣру... Казанцевъ, Степанъ, Яковъ, и сыновья послѣдняго кинулись въ избушку.

Хлопнула поспѣшно запертая дверь, и въ тотъ же моментъ тяжелая медвѣжья лапа ударила въ нее, отъ чего дрогнула вся „баня“... Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Яковъ и Степанъ схватились за топоры, учитель искалъ и не находилъ своего ружья, которое, впрочемъ, въ данную минуту было совершенно безвозлестно, сыновья Якова срывали съ нарѣ доски и вооружались ими, готовясь, по примѣру старшихъ, отразить „звѣриное нашествіе“...

— Двери... двери держи!—заоралъ Яковъ, слыша, какъ чудовищные медвѣжьи когти съ рѣжущимъ звукомъ скребли наружныя стѣны избушки.

Казанцевъ и Степанъ ухватились за дверную скобу. Но, къ счастью для всѣхъ, дверца отличалась необычайною прочностью и отворилась наружу, такъ что навалившіеся на нее медвѣди еще крѣпче прижимали ее къ косякамъ, не имѣя въ то же время возможности проломить толстыя доски.

— Шалишь! Не пройдешь!—съ злораднымъ торжествомъ бормоталъ учитель, убѣдившись, что съ этой стороны непосредственной опасности не предвидится.

— Безъ меня, безъ дѣлчкы мы на тотъ свѣтъ переселимся!—причитала Марья, но на нее никто не обращалъ вниманія.

За стѣнами избушки творилось что-то неопишемое. Медвѣди со всѣхъ сторонъ облѣпили „баню“, лѣзли на нее и разворачивали крышу, ломали кровельныя доски и, наконецъ, добрались до потолка, закричавшаго подъ ихъ тяжестью... Былъ моментъ, когда жизнь осажденныхъ висѣла на волоскѣ. Стогло „косоланыхъ“ вырвать одну потолочину—и доступъ въ избушку былъ свободенъ! Но сколоченныя въ шпунтъ*) толстыя плахи выдержали испытаніе: медвѣди не могли сдвинуть съ мѣста ни одной изъ нихъ...

Внутренность избушки чуть замѣтно освѣщалась отблескомъ: косяковъ, проникающимъ въ небольшое оконце съ вставленнымъ въ него стекломъ. Яковъ началъ было глядѣть въ это оконце, какъ вдругъ стекло со звономъ полетѣло на полъ, и въ „банѣ“ сдѣлалось темно, какъ въ могилѣ. Послышалось тяжелое сопѣнье, горячее дыханіе коснулось лица зырянина... Это догадливый медвѣдь просунулъ голову въ оконное отверстіе и совершенно заткнулъ его.

— Къ чѣхъ нырять? (Куда лѣзешь?)—злобно закричалъ Яковъ и, недолго думая, треснулъ звѣря обухомъ по лбу.

Медвѣдь рывкнулъ на всю „баню“ и моментально исчезъ за стѣной.

Но этимъ любопытство „косоланыхъ“ не было удовлетворено. Они то и дѣло начали просовывать головы въ оконце, обдавая осажденныхъ паромъ и брызгами. Яковъ лупилъ ихъ обухомъ, и ошеломленные звѣри съ ревомъ отскакивали назадъ, распалаясь еще нипчимъ гнѣвомъ затворившихся въ избушкѣ людей.

*) Шпунтъ—продольное углубленіе въ доскѣ, въ которое вгоняется край другой, положенной съ нею рядомъ доски.

Вокругъ „бани“ воцарился настоящій адъ. Разгоряченныя животныя ревѣли, ржали, скрежетали зубами, скребли стѣны лапами, карабкались по угламъ на потолокъ и обратно, пероворачивали кровельныя доски и въ безцельной злобѣ вертѣлись на одномъ мѣстѣ, роя и разбрасывая кругомъ землю.

Кровь застывала въ жилахъ у осажденныхъ при мысли, что гибель ихъ неизбежна, если медвѣди порвутся въ избушку. Но крѣпкія стѣны и потолокъ спасли ихъ отъ смерти. Незадолго до разсвѣта звѣриный ревъ прекратился, послышался шумъ удаляющихся шаговъ, захрустѣвъ въ отдаленіи валежники, и скоро все смолкло.

— Неужели ушли?—шепотомъ спросилъ учитель, вѣря и не вѣря такому счастью.

— Павѣрное, ушли,—отвѣтилъ Яковъ, приближая ухо къ окопечку и прислушиваясь.

И хотя все скоро убѣдился, что медвѣди покинули тылу, но напуганный „косолопатыми“ страхъ былъ настолько великъ, что до восхода солнца никто не смѣлъ отворить дворцу и выглянуть наружу.

Когда же окончательно разсвѣло, то все вышло изъ избушки, и глазамъ ихъ представилась такая картина. Вся земля вокругъ „бани“ была взрыта и разрыхлена, точно сохою. На избушкѣ не было ни одной кровельной плахи: все было разобрано и раскидано по сторонамъ. На стѣнахъ видѣлось множество глубокихъ царапинъ, проведенныхъ чудовищными когтями. Яковъ коснулся къ павѣсу, гдѣ стояли лошади, но павѣса уже не существовало: онъ былъ разнесенъ вдребезги. Тельги-одноколки тоже сильно пострадали: у одной было сломано колесо, у другой—разбита задняя часть, а третья была укачена куда-то подъ гору, такъ что ее не сразу нашли.

— Вотъ такъ медвѣжьи свадьбы!—воскликали все, обозрѣвая слѣды произведеннаго звѣрями погрома.—Солопо онѣ намъ достались! И угораздило же ихъ набѣжать на нашу тылу!

День насталъ не по осеннему теплый и солнечный, но никому и въ голову не приходило залияться жатвой. Все думали о скорѣйшемъ возвращеніи домой, гдѣ только и можно было думать въ себя и успокоиться послѣ пережитыхъ ночью ужасовъ.

— Ты, Василій Васильевичъ, посидѣвъ бы здѣсь съ Марьей, а мы тѣмъ временемъ ушли бы домой и пріѣхали бы за вами на лошадицѣхъ,—предложилъ Яковъ, но ни учитель, ни Марья не согласились остаться на подѣлкѣ, говоря, что они тоже могутъ уйти пѣшкомъ, вмѣстѣ съ другими.

Уже подъ вечеръ прибыли они въ село, при чемъ на деревенскомъ выгонѣ обрадованный Яковъ увидѣлъ своихъ лошадей, усѣвшихъ, повидимому, ускакать отъ медвѣдей пѣльми и невредимыми.

Долго помнилъ Казанцевъ эту поѣзду на зырянскую тылу и всегда съ удовольствіемъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ провелъ ночь „среди медвѣдей“.

Михаилъ Лебедевъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Правленіе Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера объявляетъ по всеобщему свѣдѣнію, что въ канцеляріи Общества жо-

дневно съ 10 до 3 часовъ дня, кромѣ дней праздничныхъ, принимаются членскіе взносы отъ лицъ, желающихъ участвовать во второмъ Рыбо-промышленномъ Сѣздѣ Поморско-Мурманскаго района, имѣющемъ быть въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда, съ 20 по 31 января 1915 года. Членскій взносъ установленъ въ 1 руб. для представителей поморскаго промысловаго населенія и въ 3 руб. для всѣхъ остальныхъ членовъ.

Засѣданіе Правленія 14 августа 1914 года. Заслушавъ отношеніе Управленія Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ Архангельской губ. о возвратѣ въ казну выданнаго Обществу пособия 1000 руб. или хотя части его, въ виду обстоятельствъ военного времени. Рѣшено сообщить Управленію Земледѣлія, что въ виду полнаго израсходованія полученной О-вомъ суммы оно лишено возможности выполнить настоящее предложеніе.

Въ виду общихъ осложненій по случаю военного времени рѣшено выпускать журналъ „Извѣстія Арх. О-ва изуч. Русск. Сѣвера“ одинъ разъ въ мѣсяць, начиная съ 1 сентября с. г., увеличивъ объемъ выпуска до полуторныхъ размѣровъ.

За призывомъ секретаря О-ва П. П. Верваль въ дѣйствующую армію, рѣшено оставить за Верваль право поступленія на ту же должность секретаря О-ва по возвращеніи его съ войны, пригъ должности секретари не замѣнять особымъ новымъ лицомъ, а направленіе текущихъ обязанностей пока поручить экспедитору О-ва П. А. Таратину.

За выбытіемъ члена Правленія П. П. Апуфріова, отираившагося на поиски Сѣдова—рѣшено пригласить замѣстителемъ его П. П. Данишевскаго.

РАЗНЫЯ ВѢСТИ.

Максимъ Ковалевскій въ плѣну. Русское общество взволновано извѣщеніями о судьбѣ Максима Максимовича Ковалевскаго. Въ особенности въ послѣдніе дни появились тревожныя сообщенія, болыно отозвавшіяся въ сердцахъ не однихъ только его друзей. Широкіе круги русской интеллигенціи, знающей и чтущей имя Ковалевскаго, какъ ученаго, политическаго и общественаго дѣятеля и публициста, погодоуютъ на виновниковъ постигшихъ его бѣдъ и безпокоятся за его судьбу.

Въ списокъ возмутительнѣйшихъ дѣяній, которыми занятали себя наши враги, видное мѣсто займутъ издѣвательства австрійскихъ властей надъ ученымъ, имя котораго давно пользуется широкой павѣстностью въ культурномъ мірѣ, далеко за предѣлами его отечества. Въ судьбѣ Ковалевскаго заинтересовано не только русское общество.

Труды М. М. переведены на иностранныя языки, личныя его связи съ иностранными учеными очень обширны и закрѣплены многолѣтними отношеніями; наконецъ, М. М. неоднократно выступалъ передъ иностранными аудиторіями въ качествѣ лектора. Мы не сомнѣваемся, что ученые и литературные круги Франціи, Италиі, Англии и Америки не могутъ остаться равнодушными къ насилію, совершаемому австрійцами надъ личностью крупнаго ученаго и общественаго дѣятеля, вся жизнь котораго была проповѣдью права и справедливости.

Слѣдуетъ горячо привѣтствовать постановленіе правленія Московскаго общества мира, обратившагося къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой принять мѣры къ освобожденію М. М. Ковалевскаго. Необходимо, чтобы это обращеніе было поддержано русскими учеными обществами и учреждениями. Кроме того слѣдуетъ освѣдомить о положеніи М. М. ученыя организаціи другихъ странъ и пригласить ихъ принять съ своей стороны необходимыя мѣры.

Думается, что академія наукъ, недавно избравшая Ковалевскаго своимъ членомъ, могла бы взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ.

Экспедиціи Г. Я. Сѣдова и Г. Л. Брусилова. Наконецъ-то окончательно выяснилась судьба двухъ экспедицій.

20-го августа возвратилась въ Архангельскъ экспедиція Г. Я. Сѣдова, направлявшаяся къ Сѣверному полюсу, которая доставила точныя свѣдѣнія объ участіи экспедиціи Г. Л. Брусилова, пытавшагося пройти вдоль береговъ Сибири въ Тихій Океанъ по пути Норд-острида.

Выйдя послѣ зимовки 1913 года на Новой Землѣ, Г. Я. Сѣдовъ чрезъ мѣсяць прибылъ къ Землѣ Франца-Иосифа. Судно остановилось около о. Гукера подь 80° 18' с. ш. Жили на суднѣ. Сперва все были здоровы. Векорѣ заболѣлъ цынгой механикъ Зандеръ. Къ 1-му марта 1914 года онъ скончался. Заболѣли и другіе участники экспедиціи. Приходилось питаться мясомъ бѣлыхъ медвѣдей, которое является лучшимъ противоцинготнымъ средствомъ. Однако, охота была плохая. Убили всего лишь четырехъ медвѣдей. На Рождествѣ заболѣлъ самъ Г. Я. Сѣдовъ и около мѣсяца пролежалъ въ койкѣ.

Топливо между тѣмъ все вышло. Оттаивали керосинкомъ лишь каюту, гдѣ находились больные. Стояла жестокая полярная зима. Страшныя мятелы чередовались съ морозами до 37—40°.

Послѣ Рождества начался приготовленія полярной партіи. Къ полюсу рѣшили отправиться самъ Г. Я. Сѣдовъ и двое матросовъ. Снарядили трое партъ-саней, по 8 штукъ собакъ въ каждой, и захватили нищи на четыре мѣсяца.

Сѣдовъ сильно недомогалъ. Его все уговаривали во чтобы то ни стало остаться и не ходить къ полюсу. Онъ былъ непреклоненъ и горючилъ, что иначе не выполнитъ своего долга. Участники экспедиціи считали его шагъ просто безумствомъ, но все отговоры были тщетны.

2-го февраля онъ тронулся въ путь. Болѣзнь все обострилась и обострилась, а силы все падали. На второй недѣлѣ пути Г. Я. Сѣдовъ совсемъ запеломѣлъ. Его спутники умоляли вернуться. Опасаясь, что они самовольно вернутся обратно, онъ держалъ въ рукахъ компасъ и по нему слѣдилъ, лежа на саняхъ. Наконецъ, достигли до 81° 40'. Здѣсь на пути, въ проливѣ, отдѣляющемъ Землю Франца-Иосифа отъ острова Кронпринца Рудольфа, развернулась большая полынья. Путники разбили на льду палатку. Сѣдовъ уже впалъ временами въ безсознательное. Съ нимъ были принадки, и онъ задыхался. Приходя же въ сознаніе, Сѣдовъ жаловался на свои страданія и считалъ дѣло совсемъ безнадежнымъ. Даже въ своемъ дневникѣ, который велъ почти до послѣднѣго дня смерти, Г. Я. Сѣдовъ писалъ, что страшно страдаетъ. Спутники, желая хоть сколько-нибудь облегчить его страданія, все время держали у груди умирающаго зажженную керосинку. Но все было напрасно.

20-го февраля Г. Я. Съдовъ скончался.

Товарищи рѣшили доставить его тѣло къ мѣсту стоянки судна.

Двинулись обратно со странной покложей. Благодаря темнотѣ и непогодѣ, часто сбивались съ пути. Вьюги были настолько жестоки, что снѣжная мельчайшая пыль пронизывала положительно насквозь.

Истощенные и полуживые, они рѣшили сперва привернуть къ мѣсту стоянки бывшей итальянской экспедиціи герцога Абрुцкаго, гдѣ оставлены той экспедиціей запасы провизіи и керосинъ. Силы у обоихъ падали. Одинъ изъ нихъ началъ впадать въ обмороки, а горломъ шла кровь. Рѣшили похоронить тѣло Г. Я. Съдова. На берегу о. Кронпринца Рудольфа вырыли въ камняхъ яму и похоронили своего начальника. Надъ могилой устроили крестъ изъ крестообразно сдвизанныхъ лыжъ. Затѣмъ побросали двое собакъ и лишь только 6-го марта добрались до мѣста стоянки экспедиціи, принеся печальную вѣсть.

Смерть Г. Я. Съдова произвела потрясающее на всѣхъ впечатлѣніе, хотя по-прежнему продолжали научныя изслѣдованія, спаряжали экспедиціи. Съ наступленіемъ лѣта стали готовиться къ отплытію. Для топлива разобрали на суднѣ падналубные борты, конечности мачтъ, среднюю палубу. Но это было ничтожество. Векорѣ всѣ эти дрова и вышли. Но пути привернули къ мысу Флора, гдѣ нѣкогда зимовала американская экспедиція Джексона. Здѣсь погрузили для здоровья оставленное экспедиціей деревянное строеніе, а также запасы жиромъ убитыхъ моржей. На мысѣ Флора совершенно неожиданно замѣтили двухъ участниковъ экспедиціи Г. Л. Бруслова: штурмана В. И. Альбанова и матроса Конрадта. Отъ нихъ узнали печальную вѣсть о судьбѣ экспедиціи Бруслова.

Судно „Св. Анну“ затерло льдами въ Карскомъ морѣ еще въ 1912 году и носило среди льдовъ вѣтромъ около 1½ года. Затѣмъ подхватило теченіемъ.—Гѣмъ самымъ полярнымъ теченіемъ, которымъ нѣкогда плыль на „Фрамъ“ Пенсепъ.

10-го апрѣля 1914 года „Св. Анну“ принесло подъ 83° 17' сѣв. шир. и 60° в. долг. Провизіи у экспедиціи было мало.

Часть команды судна и рѣшила двинуться къ мысу Флора. Вышло 11 человѣкъ. Дорогой, претергивая невѣроятныя злоключенія, перенося страшныя лишенія, когда часто приходилось питаться лишь однимъ мясомъ моржей либо бѣлыхъ медвѣдей, двое изъ путешественниковъ скончались.

Недалеко отъ мыса Грапта семь человѣкъ изъ нихъ пропали безъ вѣсти, а двое все же 9-го іюля, выбившись совершенно изъ силъ, достигли мыса Флора.

Къ счастливой случайности, сюда привернула экспедицію Г. Я. Съдова и, такимъ образомъ, спасла ихъ отъ неминуемой гибели среди мрака и льдонъ суровой природы.

Судно „Св. Фока“ направлялось дальше.

Для топки котловъ сожгли всю внутреннюю обшивку судна, каюты, жгли сало, капаты. Наконецъ, кое-какъ черезъ мѣсяцъ добрались до Мурмана, а теперь прибыли въ Архангельскъ.

Теперь, не медля ни на секунду, необходимо принять мѣры къ спасенію 14-ти человѣкъ, оставшихся на „Св. Аннѣ“.

Радиотелеграфомъ необходимо дать знать на судно „Герту“, вышедшее на поиски Русанова.

Пока еще не поздно, нужно списать людей. Это—наша долгь.

Памяти А. В. Журавскаго.

Редакция, собирая биграфическія свѣдѣнія о покойномъ дѣятелѣ Сѣвера А. В. Журавскомъ, обратилась за ними къ одному изъ лицъ, близко его знавшихъ, и получила въ отвѣтъ слѣдующее письмо, которое, съ согласія писавшаго, считаетъ возможнымъ привести здѣсь, вмѣсто обычнаго некролога.

Ред.

Покойный былъ единственнымъ сыномъ нижепернаго генерала и профессора, оставившаго послѣ себя значительный капиталъ въ наукѣ своей специальности. Умершій внезапно, онъ оставилъ вдовѣ своей значительное состояніе (до 300.000 р.), которая вскорѣ же скончалась. Къ сожалѣнію, за короткій срокъ владѣнія ею этимъ состояніемъ, оно на $\frac{1}{2}$ было утрачено, и покойный А. В. Журавскій наследовалъ только остатки его. Самъ онъ воспитывался въ частной гимназій г. Гудевича, а затѣмъ поступилъ въ университетъ, гдѣ, однако-же, государственнаго экзамена не сдавалъ.

Оставшись самостоятельнымъ, изъ случайнаго разговора съ однимъ пономоромъ въ Петроградѣ онъ заинтересовался Печорскимъ краемъ, куда въ томъ же году предпринялъ свое первое путешествіе, кончившееся, однако, его невольнымъ купаніемъ въ водахъ Ледовитаго океана послѣдствіемъ морской аварии. Въ слѣдующемъ году онъ рѣшился поселиться въ с. Устьицльмѣ для лучшаго изученія края и затѣмъ почти все свое состояніе издержалъ на снаряженіе трехъ своихъ научныхъ экспедицій въ Печорскомъ краѣ.

Какъ извѣстно, въ 1902—3 г. г. пѣкто—А. С. Норманъ—проводилъ въ правительственномъ „Вѣстникѣ Финансовъ“ мысль о полной возможности колонизаціи Арх. губерній. Узнавъ о семъ, въ 1906 г.—покойный прикинулъ къ этой идѣи, назвалъ себя „приверженцемъ“ и „ислѣдователемъ“ ея, а затѣмъ предъявлялъ въ печати научныя и практическія доказательства полной ея осуществимости.

Въ то время онъ помѣщалъ рядъ статей о Сѣверѣ и его колонизаціи въ „Нов. Врем.“ и множествѣ другихъ изданій. Его дѣятельность, наконецъ, обратила на себя вниманіе ученыхъ и правящихъ круговъ, и онъ былъ избранъ дѣйств. чл. Императорскаго Р. Геогр. Об-ва и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Покойный П. А. Столыпинъ выразилъ горячее участіе къ его дѣятельности и оказалъ покровительство.

А. В. Журавскій взглялъ счастье два раза быть представленнымъ Государю Императору и получить Его Монаршее одобреніе. На четвертую экспедицію А. В. Журавскаго были отпущены довольно значительныя казенныя средства, — до 20.000 р.

Къ сожалѣнію, въ это время (1910 г.) въ Архангельскѣ отнеслись совершенно отрицательно, какъ къ проповѣди о колонизаціи Архангельской губ., такъ и къ дѣятельности А. В. Журавскаго вообще, что и стало было изъ напечатаннаго въ „Архангельскѣ“ журнала мѣстнаго сообщенія по этимъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого вѣдомство земледѣлія отказало въ дальнѣйшихъ кредитахъ на пятую экспедицію покойнаго дѣятеля.

Потративъ все свое состояніе на печорскія экзедіціи и сторванный отъ любимаго дѣла, которому онъ отдавался до самозабвенія, онъ оказался въ очень трудномъ положеніи и вызвалъ къ моему помощи, какъ „соратника“ по дѣлу, прося, чтобы я разъяснилъ всѣ обстоятельства его конфликта извѣстному публицисту М. О. Меньшикову.

Этотъ послѣдній, уже написавшій передъ тѣмъ нѣсколько статей, сочувственныхъ колонизаціи Архангельской губ., по моей просьбѣ, написалъ выше три статьи подъ заглавіемъ: „Борьба за Сѣверъ“.

Статьи эти возбудили общій интересъ въ Россіи и въ правящихъ кругахъ. Ближайшимъ результатомъ явилось официальное признаніе полезности идеи о колонизаціи Архангельской губ. и необходимости ея осуществленія. Назначены были въ Архангельскѣ чиновники „по переселенческимъ дѣламъ“, и въ настоящее время заселеніе уже осуществляется, хотя и крайне медленно.

Вѣдомству пришлось еще разъ перемѣнить свое мнѣніе о дѣятельности А. В. Журавскаго. Для того, чтобы дать ему возможность продолжить начатое имъ дѣло, была учреждена близъ Устьицильмы, первая въ Россіи Опытная Станція съ бюджетомъ въ 20000 р., на оборудованіе коей въ распоряженіе покойнаго было отпущено до 70.000 р. съ содержаніемъ завѣдующему ею А. В. Журавскому по 4000 р. въ годъ.

Дальнѣйшую дѣятельность его по завѣдыванію станціей я, за неимѣніемъ данныхъ, не могу характеризовать.

Какъ бы то ни было, по даже враги его едва ли могутъ отрицать, что въ наукѣ о Сѣверѣ онъ оставилъ глубокій слѣдъ, давая на учныя обоснованія неясному до того времени вопросу о колонизаціи Архангельской губерніи.

Несомнѣнно также и то, что въ исторіи нашего Сѣвера имя А. В. Журавскаго не будетъ забыто, а будетъ помниться, какъ одного изъ самыхъ самоотверженныхъ дѣятелей на пользу нашего края.

N.